

Алена Волгина

Свидетель обвинения

16+

Алена Волгина
Свидетель обвинения.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39502467

SelfPub; 2019

Аннотация

В сборник вошли как классические детективы, так и рассказы на стыке жанров детектива и фэнтези. Несмотря на фэнтезийный антураж, причины преступлений остаются обычными – человеческими, и сыщики в поисках разгадки могут опираться лишь на логику и собственный опыт.

Содержание

Свидетель обвинения	4
Чужое дыхание	29
Капкан для Счастливчика	51
День святого Фортунатоса	60
Кто стащил шляпку?	96

Свидетель обвинения

О краже я узнал во время утренней прогулки. Когда после завтрака мы с моим другом, Чарли Гаррисом, совершали моцион по окрестным холмам, он между делом сообщил, что вчера вечером миссис Бойтон обнаружила пропажу драгоценной камеи, доставшейся ей по наследству от сестры.

Эмма Бойтон была старинным другом семьи Гарриса. Неделю назад мы получили от нее письмо, в котором она приглашала нас погостить в ее усадьбе Стоунгейт. Мы с Чарли тут же ощутили настоятельную потребность в отдыхе и немедленно упаковали чемоданы. Тихие холмы деревни Коули, тронутые первыми красками осени, идеально подходили для того, чтобы привести в порядок нервную систему, расшатанную столичной жизнью. Правда, мы недооценили сельское гостеприимство. Когда мы приехали, оказалось, что Стоунгейт переполнен людьми: здесь уже гостила подруга хозяйки с мужем, только что вернувшаяся из свадебного путешествия по Европе, и какой-то дальний родственник миссис Бойтон, экзальтированный молодой человек, увлекавшийся поэзией. Кроме того, вместе с миссис Бойтон жила ее племянница, Маргарет Хэмли. В общем, общество подобралось довольно пестрое, но мы с Гаррисом быстро освоились. Окрестности усадьбы пленяли неброской красотой. Мы каж-

дый день совершали долгие прогулки и чувствовали себя всё лучше, пока наш безмятежный отдых не нарушила эта вульгарная кража. Когда Гаррис изложил мне подробности дела, я почувствовал себя крайне несчастным.

– Помилуйте, но подозревать молодую девушку! Это чудовищно.

– Однако же Марагрет проще всех было проникнуть в комнату тетки и добраться до шкатулки.

– Вчера это мог сделать кто угодно. В котором часу миссис Бойтон обнаружила пропажу?

– Перед ужином, в семь часов. После обеда она убирала в шкатулку кое-какие бумаги, и камея была на месте. Итак, нас интересует промежуток времени с половины третьего до семи. Нужно выяснить, кто находился в доме...

По понятным соображениям, миссис Бойтон не стала обращаться в полицию, ограничившись тем, что поделилась проблемой с Гаррисом. Должен заметить, что мой друг был горячим поклонником известного мистера Холмса и не раз пытался применить на практике его метод (правда, с переменным успехом). Все наши знакомые были в курсе его увлечения, так что миссис Бойтон, вероятно, посчитала большой удачей, что Гаррис оказался среди ее гостей, когда случилась эта неприятность.

Не откладывая дело в долгий ящик, мой друг сразу осмотрел злосчастную шкатулку. Ключ от нее миссис Бойтон всегда носила при себе. Впрочем, открыть ее можно было про-

стой шпилькой, как большинство дамских шкатулок. Кроме украшений, хозяйка держала там разные памятные вещи: письма и дневники ее покойного мужа, скончавшегося полгода назад. Все бумаги, обычно аккуратно разложенные, сейчас были свалены в кучу. Гаррис решил, что вора спугнули, и он не успел привести все в порядок.

– Между прочим, Генри Бойтон был весьма необычным человеком, – заметил Чарли. – Он обучался инженерной профессии в Гельдейберге, серьезно занимался радиоизобретениями. Кажется, некоторыми из них даже интересовалось военное начальство.

– Мы уклоняемся от темы, – напомнил я ему. – Что там с уликами? Почему ты подозреваешь мисс Хэмли?

Не то чтобы меня сильно волновала эта девушка, но рыцарское чувство во мне протестовало против обвинения. За три дня, что мы прожили в Стоунгейте, я видел Маргарет раз пять. Она была энергичной девушкой спортивного типа с чересчур яркими, по моему мнению, рыжими волосами и бледным лицом, словно очерченным острым карандашом. Такие лица накрепко врезаются в память. К тетке она относилась с слегка насмешливой нежностью, хотя они резко расходились во мнении относительно некоего Джеймса Моргана из поместья Чипвуд. Насколько я уловил, Маргарет всегда была рада видеть этого молодого джентльмена, а миссис Бойтон считала его абсолютно не подходящей компанией для своей племянницы. Пожилым леди трудно угодить в этом вопросе.

– Кое-что действительно есть, – победоносно заявил Гаррис. – Вооружившись лупой, я нашел короткий рыжий волосок прямо на крышке шкатулки!

– Тоже мне, доказательство, – хмыкнул я, вспомнив роскошного кота, живущего в доме. – Мне случалось находить рыжую шерсть даже на моей подушке, но это не значит, что мисс Хэмли там ночевала!

Кот Фридрих, прозванный так за свою пушистую огненную шубу, беспардонно пользовался любовью хозяйки и свободно гулял по всему дому. Наверняка ему позволялось дрыхнуть на ее письменном столе. Кроме того, пакостный кот отличался непомерной мстительностью. Когда мы приехали в поместье, Гаррис нечаянно сел на него – и в тот же вечер лишился любимых ботинок.

Мой друг с усмешкой покачал головой:

– Нет, кот здесь ни при чем. Я видел Маргарет без шляпки и заметил, что ее волосы темнее у корней. Без сомнения, она их красит. Волосок, найденный мной, точно такой же!

– Ладно, допустим, она заходила в комнату тетки. Пусть даже она трогала шкатулку! Но ведь то же самое мог проделать кто-то еще? Даже мы. Черт, неприятно чувствовать себя подозреваемым.

Разволновавшись, я сам не заметил, как мы поднялись на холм. Стоунгейт, окруженный садом, был виден отсюда как на ладони. Правее него за кущей золотистых тополей виднелись кирпичные стены Хитер-Коттеджа, который полгода

назад снял какой-то господин из Европы. Кажется, его звали мистер Масгрейв. Мне вспомнилось, как Эмма Бойтон говорила, что новый сосед не очень-то приветлив и иногда ведет себя странно. Внизу блестела река, вдоль которой вилась серая проселочная дорога, ведущая к деревне Коули и дальше, к городку Миллен-Кинс. До города было около трех миль.

– Как сказал бы мистер Холмс, это дело на одну трубку. Для меня же – это дело на одну прогулку, – с воодушевлением воскликнул Гаррис, в котором, судя по азартному блеску глаз, снова проснулся сыщик. – Нас двоих можно сразу исключить. Разве вы забыли, мой склеротичный друг, что вчера после обеда мы отправились в город и вернулись только к ужину?

Да, действительно. У меня отлегло от сердца. Заодно я вспомнил, что в Миллен-Кинсе на почте мы встретили Маргарет.

– Я тоже заметил ее велосипед у дверей, – кивнул Гаррис. – Надо бы уточнить, во сколько она вернулась. Дело это крайне деликатное. Проще всего начать расспросы с Сесили Ландер, нашей счастливой новобрачной. Она каждый день ставит свой мольберт вон на том холме, в кустах боярышника. По ее словам, оттуда открывается необыкновенно живописный вид на реку.

Мы зашагали по заросшему травой склону в сторону кустов, похожих на пухлые подушечки для булавок.

– А как насчет прислуги? – спросил я, вспомнив все про-

читанные детективы.

– Уже выяснил. Кухарка работает в доме пятнадцать лет, горничную миссис Бойтон знает с детства. Есть еще Томас, который выполняет обязанности садовника и шофера, но он никогда не поднимается в коридор, где расположены хозяйские спальни. И, кстати, в доме никогда ничего не пропадало.

Поговорить с миссис Ландер нам не удалось. Мольберт, слегка скособоченный, действительно торчал в кустах, а его хозяйки поблизости не оказалось. Гаррис осмотрел чемоданчик с кистями, повертел в руках палитру. Краски на ней давно высохли. На лице моего друга появилось очень сосредоточенное выражение.

– Сесили Ландер каждый день уходила сюда якобы рисовать, пока ее муж прогуливался по окрестностям, – сказал я, добросовестно исполняя роль мистера Ватсона. – Получается, что на самом деле она могла быть где угодно? Между прочим, эта дама весьма интересуется антиквариатом!

Стыдно признать, но Сесили в качестве подозреваемой устраивала меня куда больше, чем Маргарет. Она была из тех дам, которых называют «роковыми женщинами». Кроме изящной внешности, она обладала томными манерами, в которых постоянно присутствовал тонкий намек на распутство – правда, это было распутство хорошего тона, если можно так выразиться. Тихий, невзрачный мистер Ландер совершенно терялся на фоне своей великолепной жены. Иногда

мы вообще забывали о его существовании.

Оглядев окрестности, Гаррис вдруг схватил меня за руку. Проследив за его взглядом, я увидел Сесили Ландер, которая стояла в воротах Хитер-Коттеджа, беседуя с хозяином.

– Скорее к ним! – воскликнул мой друг, спускаясь с крутого склона с поспешностью, опасной для его лодыжек.

Мистер Масгрейв, только что любезничавший с дамой, при виде нас резко помрачнел и поспешно откланялся. Меня поразило его выражение, брошенный на Гарриса, – пронзительный и бесцветный одновременно. Зато Сесили встретила нас медовой улыбкой. За последние несколько дней она успела понять, что Чарли можно пронять только откровенной любовной атакой, так что теперь пустила в ход весь арсенал: легкие прикосновения, понимающие улыбки, короткие взгляды из-под ресниц.

– Вы не видели мисс Хэмли вчера после обеда? – с ходу спросил Гаррис. Я подумал, что Сесили со всем ее обаянием была для него лишь коллекцией особых примет и забавных привычек.

– Нет. Полагаю, она гоняла где-то на велосипеде. Девочка занимается этим все дни напролет. Я давно говорила Эмме, что Маргарет следовало бы найти какое-нибудь дело.

Миссис Ландер достала тонкую сигарету, и Гаррис тут же щелкнул зажигалкой. Изящные пальцы Сесили задержали его руку в своей чуть дольше, чем это позволяли приличия. Я отвернулся.

– Обычно она ездит в сторону Чипвуда, – в голосе миссис Ландер мне послышалось скрытое недовольство. – Эмме не следовало бы поощрять это. Морганы – старинная, уважаемая семья. Артур Морган получил Чипвуд в наследство от старшего брата, и уже тогда их дела были довольно расстроены. Конечно, он надеется, что его сын займется помещением. Оно потребует немало вложений! Женитьба Джеймса на состоятельной девушке могла бы поправить дело. Маргарет должна понимать...

– А где вчера после обеда был ваш муж? – гнул свое Гаррис, которого несколько не интересовали матримониальные планы местных землевладельцев.

– Как всегда, бродил где-то в холмах. Он положительно влюбился в эти места! Вчера он даже опоздал к чаю, чего с ним отроду не случалось.

В траве раздался хруст, и Сесили нервно вздрогнула, оглянувшись. Это оказался всего лишь Фридрих, забравшийся в сад к мистеру Масгрейву. Пригнувшись, он ловко проскользнул между мокрыми кустами рододендронов и исчез.

– Этот кот просто невыносим, – пробормотала миссис Ландер. – Вчера за чаем он опрокинул розетку с вареньем мне на платье. Я была вынуждена подняться наверх, чтобы переодеться. Вряд ли Эдит сумеет вывести пятна с шелка. Кстати, это напомнило мне об одном деле... извините меня, господа.

Кивнув нам на прощанье, Сесили решительно направи-

лась к дому. Я с грустью проводил ее взглядом. Мне тоже хотелось домой. Синее сентябрьское утро постепенно превращалось в унылый пасмурный день, не слишком подходящий для прогулок. В такой денек приятно посидеть у огонька, наслаждаясь чтением и чашкой горячего какао. Но у Гарриса были другие планы.

– Нужно осмотреть сад, – сказал он. – Думаю, мистер Масгрейв не станет возражать, если мы воспользуемся его калиткой.

Участок Хитер-Коттеджа вплотную примыкал к территории нашей усадьбы, их разделяла лишь невысокая изгородь, в которой для удобства соседей была проделана калитка. Мы прошли мимо клумб, на которых среди пожелтевшей листвы кое-где пестрели яркие астры. Гаррис, взглянув на них, что-то хмыкнул и покачал головой. На столбе у калитки восседал Фридрих, словно языческий божок в меху, охраняя свои владения от соседских котов. Это был его привычный пост. Он мог торчать здесь целый день, а к вечеру уходил в дом, чтобы путаться у всех под ногами.

Закрыв за собой калитку, Гаррис ненадолго задержался, пристально глядя в землю.

– Что вы надеетесь там найти? – спросил я довольно раздраженно, так как поднявшийся холодный ветер значительно умерил мой сыщицкий энтузиазм. – Ночью шел дождь, так что если здесь и были отпечатки следов, от них давно ничего не осталось!

– Мне интересно, как этот камень с дорожки попал на грядку с горохом. Ну ладно.

Мы миновали огород, находившийся во владении Томаса, прошли мимо теплиц, розария и оказались в небольшом ухоженном саду. В беседке я заметил длинную фигуру Реймонда Касла, дальнего родственника миссис Бойтон. Судя по отрешенному виду, он целиком отдался вдохновению. Реймонд всегда говорил, что сад миссис Бойтон навевает на него лирические мысли. Вчера за ужином он даже пытался прочесть нам какое-то эссе о пасторальной тематике в поэзии. Признаться, я едва не уснул.

Заметив нас, Рэймонд приветственно замахал рукой. Это был высокий, нескладный юноша с приятным некрасивым лицом и нервными руками, которыми он постоянно тербил свою одежду или волосы. При виде двух потенциальных слушателей он вспыхнул от радости. Его глаза за стеклами очков в золотой оправе возбужденно загорелись.

– О, это вы? Послушайте!

– Одну минутку, – перебил его Гаррис. – Вчера после обеда вы тоже были здесь?

– Разумеется! Это волшебное место, оно навевает на меня...

– Да, я заметил. А вы не видели случайно...

– Я никого не видел, я сочинял стихи. Мне кажется, неплохо получилось!

Реймонд взъерошил волосы, так что одна светлая выюща-

ся прядь упала ему на лоб, и вдохновенно продекламировал:

*Слышу осени песнь,
Песнь остывших холмов,
Мерный шум поездов,
Тишину сонных грез...
И вдруг, врываясь трубным гласом,
Сквозь алый вихрь небесных роз
Несется рыжая звезда
Гроза нам всем последним часом! (*)*

Мы притихли, сраженные поэзией.

– Ну как? – простодушно спросил Реймонд.

– Определенно, в этом что-то есть, – нахмурясь, проговорил Гаррис. – Прочтите-ка мне это еще разок!

Я понял, что еще раз этого не выдержу, откланялся и ушел. Я прошел в дом через заднюю дверь, выходящую в сад. Справа рядом с дверью находилась черная лестница для слуг, на которой мне встретилась горничная Эдит. Она как раз собиралась отнести наверх поднос с кофейником. По ее словам, миссис Бойтон сегодня была не в духе и не покидала спальни. Я постарался навести девушку на воспоминания о вчерашнем дне, радуясь, что хоть с кем-то могу поговорить простой, понятной прозой, без туманных намеков и поэтических изысков!

Впрочем, толку от нашего разговора было немного. Вчера Эдит весь день хлопотала по дому, а вечером убиралась в коридоре наверху, пока господа пили чай в гостиной. Ее ненадолго отвлекла миссис Ландер, которой понадобилось срочно переодеться. Это было примерно в шесть часов. Нет, больше она никого не видела. Потом она спустилась на кухню, чтобы помочь кухарке с ужином. Вот и все.

Задумчиво шагая по холлу, я пытался собрать воедино разрозненные факты. Гаррис сообщил, что вчера после обеда миссис Бойтон писала письма, затем она выходила в розарий, отдавала распоряжения кухарке насчет ужина и наконец устроилась в гостиной, где Эдит накрывала чай. К чаю вышли все, кроме нас с Чарли и Маргарет. Пока они сидели внизу, Эдит была в коридоре на втором этаже, так что незаметно проникнуть в комнату Эммы Бойтон было невозможно. «Вероятнее всего, камею похитили, когда миссис Бойтон была в розарии», – думал я. Мои размышления были прерваны появлением Гарриса, слегка бледного после сеанса поэзии.

– Ну что? – сочувственно спросил я.

– После некоторых усилий Реймонд вспомнил, что вчера вдохновение его посетило «в час, когда померкнули края облаков», по его собственному выражению. То есть ближе к вечеру.

– Это важно?

– Для сыщика не существует мелочей, дорогой Бэнкс. Де-

ло проясняется. Если принять во внимание сигареты Сесили, а также сорняки на клумбах мистера Масгрейва...

Гаррис уставился в окно с выражением сверхчеловеческой пронизательности. Я терпеть не мог, когда он строил из себя заправского детектива, то есть изрекал что-то многозначительное, а затем исчезал в тумане сложных намеков, поэтому я разозлился:

– Ну конечно! Как я сразу не понял тонкого внутреннего смысла сорняков и окурков!

– Вы, конечно, заметили, что Сесили Ландер курит тонкие дамские сигареты, – сказал мой друг примирительным тоном. – Пока мы шли через цветник мистера Масгрейва, я насчитал в разных местах шесть вчерашних окурков. Вы хотите спросить, как я понял, что они именно вчерашние?

– Нет! – поспешно ответил я. – Я вам верю. Вы специалист.

– Вот именно. Судя по всему, эти двое вчера провели в саду уйму времени, что дает им алиби по крайней мере до пяти часов, когда здесь подали чай. Хотя миссис Ландер во время чаепития поднималась наверх, так что мы не можем исключить ее из числа подозреваемых.

– С ней была Эдит, – напомнил я.

– Ну и что? Сесили могла запросто отослать ее на пять минут, а сама рысью пробежаться в соседнюю спальню. Но Масгрейв точно вне подозрений, а жаль. Мрачный тип, и ведет себя странно. Как вы думаете, для чего люди снимают

деревенские коттеджи? Копаться на клумбах, рыбачить, отдыхать на лоне природы... Однако Масгрейв не делает ничего из перечисленного! Его сад донельзя запущен, и никто не видел его с удочкой у реки или хотя бы просто гуляющим в холмах.

– Тогда Ландер кажется мне еще более подозрительным, – буркнул я. – Он наоборот бродит по окрестностям целыми днями. Кроме того, он вполне мог унаследовать от Сесили любовь к антиквариату, согласно закону супружеской акклиматизации. А может, они вообще в сговоре?

Мы вышли из холла на парадное крыльцо, и мне пришлось умолкнуть, так как я увидел мистера Ландера собственной персоной. Нахохлившись как воробей, он бродил по круговой дорожке вокруг лужайки, подняв воротник шерстяного пальто. Мне показалось, что он немного прихрамывал. Я удивился про себя, отчего он торчит здесь на ветру, вместо того чтобы наслаждаться теплом и уютом домашнего очага. Не хочет лишний раз встречаться с женой?

– Хей, старина! Что вы там ищете? – несколько фамильярно спросил Гаррис.

Мистер Ландер не поддался на этот дружелюбный тон:

– Мой портсигар, – буркнул он. – Кажется, я забыл его здесь на скамейке, когда вчера вечером возвращался от Морганов.

Мы посмотрели в сторону скамьи, но увидели только рыжий кошачий хвост, исчезающий в кустах акации. Временно

покинув свой пост, Фридрих спешил куда-то по делам. Ландера передернуло:

– Терпеть не могу котов. И деревню тоже не люблю. И здешнее дремучее общество. Артур Морган – единственный, с кем можно нормально поговорить. Сесили вздумалось навестить свою подругу, вот мы и торчим здесь уже пятый день. Все, хватит! Завтра же возвращаемся в Лондон.

Мы с Гаррисом оставили его предаваться сожалениям о напрасно потраченном времени, а сами направились к ажурным воротам.

– Кстати, куда мы идем? – спохватился я.

– В Миллен-Кинс.

Это заявление повергло меня в легкий ужас.

– Тогда обождите минуту, я попрошу у миссис Бойтон машину.

– Нет, Бэнкс, нам придется идти пешком. Я хочу рассчитать, за какое время человек может добраться отсюда до Чипвуда, чтобы уточнить вчерашние перемещения Ландера. Затем мы одолжим у мистера Моргана пару велосипедов и прокатимся в Миллен-Кинс. Хочу заранее проверить показания мисс Хэмли, которую, кстати, нам еще предстоит расспросить.

Поместье Чипвуд лежало примерно на полдороге между городом и Стоунгейтом. Погодка для предстоящей прогулки была – самое оно. Холодный ветер усилился, кроме того, начал накрапывать мелкий дождь. Я угрюмо тащился по

безлюдной дороге следом за Гаррисом, который решительно шагал вперед, изредка бормоча что-то себе под нос. Холмы расступались перед нами, вдоль обочин проползали серые коттеджи деревни Коули, погруженные в осенний сон. Никого не было видно на улицах, только стылый ветер вился между домами и шумел в кустах. Он был весьма рад неожиданному развлечению в виде нас с Чарли и тут же принялся нас изводить: щекотал ледяными пальцами шею, бросал нам в лицо горсти ледяных капель. Гаррису все было нипочем. Когда перед ним маячила интересная задача, он становился целеустремленным, как паровой каток, напроць забывая про голод и холод.

Кстати, уже близилось время обеда. Прикинув, что до поместья Чипвуд идти не меньше мили, я мысленно проклял всех сыщиков и готов был отдать все четыре зуба мудрости за хорошую порцию горячей яичницы с ветчиной. К моему изумлению, вскоре нам навстречу попался какой-то шальной прохожий. Это был высокий молодой человек в длинном темном пальто.

– Это случайно не Джеймс Морган из Чипвуда? – прищурился Гаррис.

– Именно он. Интересно, что погнало его из дома в такую погоду?

– Не что, а кто. Полагаю, они разминулись с мисс Хэмли. Джеймс Морган, увидев двух мокрых джентльменов посреди пустынной дороги, не выразил ни малейшего удивле-

ния.

– Вы ведь тоже гостите в Стоунгейте? – спросил он, когда мы обменялись традиционными приветствиями. – Могу я попросить вас передать портсигар мистеру Ландеру? Он забыл его у нас вчера.

– Значит, он действительно заходил к вам? – спросил Гаррис, пряча портсигар в карман.

– Да, они говорили с отцом об охоте. Отец был рад побеседовать с кем-то, кто разделяет его интересы. Сам-то я не охотник, к сожалению.

– Вы не помните, во сколько он ушел?

Морган слегка смутился:

– Я... понимаете, не сидел с ними все время.

– Понимаю. Вы нашли компанию поинтереснее, не так ли?

Смущение молодого человека стало более явным:

– Вчера я встретил в городе мисс Хэмли, она где-то ухитрилась проколоть колесо. Я отвез ее на машине в Чипвуд и постарался починить велосипед. Маргарет все беспокоилась, как бы не опоздать к ужину. Сами понимаете, при том образцовом порядке, который царит в доме миссис Бойтон...

– Между прочим, вчера за ужином мисс Хэмли действительно выглядела утомленной, – многозначительно заметил я. Однако мой намек пропал втуне, так как Гаррис был целиком поглощен новой мыслью:

– Порядок... образцовый порядок... Вот оно! Как я мог это упустить! Бэнкс, мы немедленно возвращаемся. А вы,

мистер Морган, срочно звоните инспектору в Миллен-Кинс.

– Боже мой! Но что случилось?

– Надеюсь, что пока ничего.

Гаррис развернулся и припустил так, что полы его коричневого макинтоша парусом выгнулись на ветру. Я изо всех сил старался не отставать.

– Если Маргарет... так задержалась из-за поломки велосипеда... значит... она не могла взять эту чертову камею! – пропыхтел я на бегу.

– Камея, мой друг, уже не так важна!

– Да?! А что тогда важно?

– Дневники! Дневники Генри Бойтона! Все важные чертежи и светокопии заперты в сейфе, но есть же еще записи... Образцовый порядок... ну конечно! Как я сразу не заметил? Тетради в шкапулке были перепутаны! А тетради с номером четыре вообще не было! Ясно как день, что кто-то охотится за изобретениями мистера Бойтона. Это вам не похищение какой-то камеи! Шпионаж – это куда серьезнее!

Признаться, при слове «шпионаж» я струхнул. Мне показалось, что Гаррис перегибает палку. Неужели кто-то из знакомых миссис Бойтон похож на шпиона?! Разве что мистер Масгрейв...

Вдоль обочин снова промелькнули серые коттеджи, и вот мы уже опять стояли перед воротами усадьбы. Ухватившись за ажурную решетку, Гаррис помедлил, переводя дыхание:

– Вы помните, Бэнкс, как инспектор Блейк рассказывал

нам в Лондоне – строго конфиденциально, конечно – что наши секретные службы озабочены деятельностью одного агента? Его прозвали Антикваром. Путешествуя, он притворялся коллекционером, что давало ему повод сблизиться с разными людьми. Этот тип недавно гастролировал в Европе, но что ему стоит пересечь пролив? Я уверен, что он сейчас здесь. Не в силах устоять перед искушением, он в придачу к дневникам мистера Бойтона прихватил старинную камею. Это его и погубило!

С этими словами Гаррис решительно толкнул створку ворот и влетел во двор. Он сразу помчался в дом, а я задержался перед порогом. Возле крыльца стоял дамский велосипед. Похоже, Маргарет добралась домой окольной дорогой, опередив нас. Я внимательно осмотрел шины, но не нашел никаких следов починки.

– Я надеялась поговорить с вами, – прозвучал рядом знакомый голос.

Медленно выпрямившись, я увидел мисс Хэмли, которая возникла словно из ниоткуда, грациозная и непостижимая, как эльф. Ее шляпка чуть сдвинулась набок, волосы медными прядями обрамляли шею и затылок. Большие, выразительные глаза мягко блестели. Мне стоило некоторых усилий сосредоточиться и вспомнить, о чем мы хотели ее расспросить. Камея, точно! Маргарет и сама была похожа на медальон викторианской эпохи, выточенный искусным мастером.

– Вы собирались сегодня уехать в Лондон, не так ли? –

строго спросил я.

Она улыбнулась так, что докучавшие мне холод и ветер разом куда-то исчезли. День вокруг нас был полон хрустальной тишины.

– Верно. Я хотела уехать дневным поездом. Но как вы узнали?

– Вчера на почте вы отправили в Лондон несколько писем. Раньше я заметил, что вы всегда внимательно просматриваете газеты с объявлениями. Хотите устроиться стенографисткой? Разве вам плохо живется с миссис Бойтон? Неужели это все из-за Моргана?

На нежное лицо девушки словно набежала тень:

– Ох, если бы вы знали! Тетя Эмма готова цепями приковать меня к своей юбке, скоро мне даже в сад нельзя будет выйти одной! Конечно, будь я совершеннолетней, все было бы гораздо проще... А насчет Джеймса у нее просто скрытый комплекс социальной неполноценности! Она еще помнит те времена, когда все в округе были вассалами Морганов, и слишком беспокоится, как это будет выглядеть в глазах соседей: словно она нарочно старается выгодно выдать меня замуж!

– Почему же вы остались?

– Сама не знаю, – девушка огорченно пожала плечами. – Тетя сегодня утром была так расстроена. И Джеймс очень возражал против моего плана. А ведь вчера мне все виделось таким ясным! Я даже упаковала вещи. Когда я вернулась из

Чипвуда, то не стала спускаться к чаю, а сидела у себя тихо, как мышка, – глаза Маргарет озорно блеснули, как у ребенка, уверенного, что ему простят все шалости. – Мне никого не хотелось видеть.

– Я так и знал, что вы вернулись задолго до ужина. «Сломанный» велосипед был лишь предлогом повидаться с Морганом, не так ли? И если бы вы действительно приехали так поздно, то вас заметила бы Эдит, которая убирала в коридоре. Кстати, давайте-ка сюда эту камею.

Сунув руку в карман, Маргарет протянула мне на ладони овальную брошь в золотой оправе. Сердоликовая леди с цветком, изображенная на камее, обладала той же неуловимой прелестью, что и девушка, стоящая передо мной.

– Я хотела взять ее на память о маме. А тете Эмме написала, что мне не нужно никакого другого наследства, мне вообще больше ничего не нужно! Правда, сегодня я не решилась отдать ей письмо. Вы думаете, она расстроилась из-за этой брошки? – с тревогой спросила Маргарет.

Некоторые вещи так сложно объяснить юному существу! Я постарался, как мог:

– Думаю, что, оставшись без мужа, миссис Бойтон теперь видит в вас единственного близкого человека и попросту боится вас потерять. Знаете что? Не уезжайте тайком, мисс Маргарет. Один душевный разговор стоит десятка писем. А эту безделушку я, с вашего позволения, незаметно положу на место.

Мы вошли в холл, по которому в нетерпении метался Гаррис. Маргарет сразу прошла в гостиную, где все общество уже собралось к обеду. Мне послышался голос Масгрейва. Интересно, кто его пригласил: миссис Бойтон или Сесили Ландер?

– Где же инспектор? – прошипел Чарли мне в ухо. – Придется действовать своими силами!

Он проскользнул в комнату к остальным, а я на минутку поднялся наверх по парадной лестнице. Когда я вернулся, от беззаботного веселья собравшихся не осталось и следа. В обычное время гостиная миссис Бойтон была уютнейшим уголком: добротная мебель, гравюры на стенах, традиционный темный ковер на полу. На всем лежал отпечаток женственности. Но сейчас в воздухе явственно пахло грозой.

– Это черт знает что такое! – горячился Ландер. – Почему я не могу уехать, скажите пожалуйста? Сесили, иди сейчас же собирай вещи!

Миссис Ландер даже не шевельнулась, вопросительно глядя на моего друга. Гаррис замер в дверях, как олицетворение непреклонности:

– Вы не сделаете отсюда ни шагу, пока не вернете записи мистера Бойтона и драгоценную камею, похищенные вами вчера вечером из шкапулки!

Это известие ошеломило всех. Пять пар глаз – изумленных, протестующих – устремились на растерянного Ландера. Тому понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Выпрямившись, он захлопнул рот и гордо выпятил подбородок:

– Я отказываюсь отвечать на эти инсинуации. Вчера после обеда я отправился навестить Артура Моргана и вернулся как раз к чаю. К сожалению, по дороге мне никто не встретился.

– Да, вы постарались внушить мне, что вернулись через парадный вход, – парировал Гаррис. – На самом деле вчера вы проникли в дом через сад и заднюю дверь и поднялись в комнату миссис Бойтон по лестнице для слуг. Вы думали, что вас никто не заметил, но вы ошибаетесь. Вас видел Фридрих!

– Что? – Ландер невольно оглянулся. Кот безмятежно дремал в кресле, похожий на рыжую меховую шапку. – Вы хотите сказать, что в своих бредовых обвинениях опираетесь на свидетельство *кота*?

– Для опытного агента, Ландер, вы слишком несдержанны. Вчера, будучи не в силах подавить свою неприязнь к кошкам, вы кинули во Фридриха камнем. Он промчался через розарий, напугав Реймонда и вдохновив нашего поэта на очередное стихотворение. «Сквозь алый вихрь небесных роз...»

– Да, да, припоминаю! – вмешался Реймонд, напряженно внимавший моему другу. – Все так и было!

Никто даже не повернул к нему головы.

– Может, кто-то и спугнул кота, но почему именно я?! –

рвякнул Ландер.

– Я вижу, вы сегодня в новых ботинках? – тонко усмехнулся Гаррис.

Все невольно посмотрели вниз. Воспользовавшись минутным замешательством, Ландер вдруг метнулся к окну. Признаться, я растерялся, зато мистер Масгрейв с неожиданной ловкостью бросился наперерез преступнику, и спустя минуту Ландер уже трепыхался в его железных руках. Подоспевший Гаррис запустил руку ему за пазуху и с триумфом продемонстрировал нам старую тетрадь в потертой кожаной обложке.

– Боже мой! Это же одна из тетрадей Генри! – воскликнула миссис Бойтон.

Неделю спустя, когда мы с Гаррисом сидели в нашей лондонской квартире и слушали дождь, шуршащий за задернутыми шторами, неожиданно пришло письмо из Коули.

– От мистера Масгрейва! – известил Чарли.

Письмо было коротким. Быстро пробежав его глазами, мой друг передал его мне, а сам уселся поудобнее в кресле с непередаваемо самодовольной ухмылкой. Я заинтересовался.

«Дорогой Гаррис!

Я надеюсь вскоре снова увидеть Вас и мистера Бэнкса в наших краях, так как у нас готовится свадьба Джеймса Моргана и Маргарет Хэмли. Кажется, эта парочка твердо назна-

мерилась пожениться, и охладить их пыл сможет разве что падение метеорита. Безусловно, вы получите письмо от миссис Бойтон, как только она решится признаться Вам в том, что свою пропавшую камею она нашла под пачкой счетов на столе. Хочу отметить, что это обстоятельство отнюдь не помешало Вам с блеском закончить дело Антиквара.

Кстати, Вы не встречали миссис Ландер? Кажется, она вернулась в Лондон. Несчастливая женщина, мне ее жаль. Сначала я подозревал ее в сообщничестве, но, очевидно, она не подозревала о преступной деятельности своего мужа.

P.S. Тысяча приветов мистеру Бэнксу.

Искренне Ваш,
полковник Масгрейв»

*(прим. *: стихотворение Реймонда написано по мотивам произведения А. Блока «Комета»)*

Чужое дыхание

Небо над Дартмуром напоминало цветом выстиранную простыню. «Не слишком приятный городок», – подумал доктор Пейдж, сойдя на платформу маленькой захолустной станции в Принстауне. Ряды унылых серых домишек протянулись вдоль грязных оврагов, которые здесь именовались улицами. Общественную жизнь представляли почтовая контора, мелочная лавка, гостиница и главная достопримечательность – Принстаунская тюрьма, построенная полвека назад для содержания пленных французов.

Джонатан Пейдж, преуспевающий столичный врач, был здесь проездом и приехал по просьбе старого друга, который попросил его совета насчет одной пациентки. Три года назад Генри Фремлинг, его товарищ по колледжу, купил здесь медицинскую практику и поселился в Принстауне. Мистер Пейдж сразу заметил на полупустой платформе знакомую коренастую фигуру.

– Рад, очень рад, что вы смогли приехать! – воскликнул Фремлинг, пожав ему руку, и повел приятеля к ожидавшей их коляске.

– Признаться, меня заинтересовал случай этой девушки, Мэри Уэлш. Кажется, она вообразила себя духовидцем?

Фремлинг кивнул:

– Вы ведь всегда интересовались нервными расстройствами, верно? У Мэри Уэлш год назад умерла сестра, однако девушка заявляет, что ее дух остался в доме и не раз давал о себе знать.

От внимания Пейджа не укрылось, что его друг казался смущенным.

– Такое случается. Надеюсь, состояние девушки не ухудшилось?

– Нет, но ситуация осложнилась. Три дня назад, после того, как я отправил вам телеграмму, был убит майор Генри Уэлш, и кое-кто здесь уверен, что это сделал призрак.

Пока коляска везла их к усадьбе Уэлшей, которая находилась в четырех милях от города, Фремлинг коротко ввел приятеля в курс дела:

– Майор Уэлш долгое время служил в Индии, однако после смерти старшего брата решил вернуться в семейное гнездо. У его брата остались две дочери – Рэйчел и Мэри. Девочки рано потеряли мать, ими занималась их крестная миссис Фаррингтон. Я вас с ней познакомлю. Она очень добра и принимает большое участие в судьбе бедняжки Мэри. Вернувшись, майор обновил дом и решил, что девушкам лучше жить под родной крышей.

– Весьма благородно с его стороны, – сонно пробормотал мистер Пейдж, пряча руки в карманы и кутаясь в теплый шарф. Осенний воздух здесь на западе был острым и влаж-

ным. По обеим сторонам дороги простирались серые вересковые пустоши, вдалеке проплывала волнистая кромка холмов. Монотонный стук копыт нагонял дремоту.

– Прошлой осенью Рэйчел подхватила лихорадку и, несмотря на мои старания, через месяц скончалась. Майор Уэлш спокойно принял этот удар судьбы, они с Рэйчел не очень-то ладили, но для Мэри смерть сестры была трагедией. Девушки вели уединенную жизнь и были очень дружны. На похоронах с Мэри случилось что-то вроде припадка. Потом она не раз заявляла, что сестра обещала не оставлять ее после смерти и с тех пор незримо присутствует в усадьбе. Это превратилось в какую-то навязчивую идею. Даже миссис Фаррингтон сказала мне, что находит это чрезмерным, а ведь ей не в новинку общаться с духами – как-никак она глава нашего спиритического кружка.

От такого известия с Пейджа даже слетела сонливость:

– Бог мой, Фремлинг! Надеюсь, вы-то не принимаете участия в этом шарлатанстве?! Вы же понимаете, что весь этот спиритуализм, месмеризм и прочее – просто модная чепуха!

Некоторое время они ехали в молчании.

– Сын миссис Фаррингтон погиб в Бенгалии, – глухо сказал Фремлинг. – Каждую среду она беседует с ним посредством столоверчения, и от этого ей становится легче. Могли ли я ее осуждать?

Мистер Пейдж, который до сих пор из каждой поездки прилежно писал письма своей матери, не нашелся что воз-

разить.

– Но даже по ее мнению, Мэри Уэлш зашла слишком далеко. А теперь ее положение еще осложнилось.

– Из-за убийства ее дяди? – догадался Пейдж.

– Этот случай потряс всю округу и, конечно, наш сержант мигом отбил телеграмму в Скотленд-Ярд. Позавчера сюда явился инспектор Уолтон. Кстати, он тоже остановился в «Короне», так что у вас будет шанс встретиться. Он сразу дал понять, что считает Мэри Уэлш главной подозреваемой.

– Вероятно, она наследует все состояние?

– Да, но не только поэтому. У мисс Мэри был жених – немолодой человек, но порядочный – однако дядя возражал против их брака. Он ссылаясь на ее слабое здоровье, но, мне кажется, майор просто привык, что племянница вела его хозяйство, и не хотел ничего менять. Тем более что после замужества он обязан был выделить ей некоторую сумму годового дохода...

– Понятно. Что говорит сама девушка?

– Мэри сказала инспектору Уолтону, что в то утро почувствовала себя дурно и прилегла в своей комнате. Что было дальше – не помнит. Очнулась она, услышав крики служанки, которая нашла тело. В дальнейшем она ни на йоту не отступила от своих показаний, хотя инспектор, на мой взгляд, был с ней непозволительно груб. Мистер Робинс, наш викарий, даже сделал ему замечание.

Убийство майора невольно заинтересовало доктора Пей-

джа. Втайне стыдясь своего неуместного любопытства, он жаждал узнать подробности. Однако вдалеке уже показались темные крыши усадьбы Уэлшей, и его расспросы сейчас пришлось бы некстати. Старый приземистый дом стоял в конце тополиной аллеи, весь в золотистом сиянии ранней осени. Деревья, сросшиеся кронами, казались часовыми, охранявшими вход.

После теплого желтого света аллеи сумрачный холл показался Пейджу слишком угрюмым. А главное, здесь пахло бедой. Своим докторским чутьем он сразу уловил это. Пахло не острым отчаянием, как бывает после смерти близкого человека, а тяжелым, застарелым унынием, въевшимся в самые стены.

В гостиной находились трое. Добродушный улыбчивый мужчина оказался священником, викарием местного прихода. Рядом с ним сидела пожилая леди в шуршащем оборчатом платье – миссис Эмма Фаррингтон, крестная обеих сестер. Но самый острый интерес у Пейджа вызвала худенькая, хрупкая девушка, сидевшая у окна. С той минуты, как он вошел, ее большие серые глаза настороженно следили за незнакомцем. Это была Мэри Уэлш.

Она сидела очень прямо, нервно сцепив пальцы. Траурный наряд еще больше оттенял ее бледность. На девушке было глухое черное платье, которое украшали только ряды крошечных пуговиц от запястья до локтя. Она выглядела так, словно собиралась с силами для нового допроса, и вид ее

невольно вызывал жалость.

«Здесь нужно действовать тонко», – подумал Пейдж. Прежде всего он выразил сочувствие ее недавней потере.

– Мое утешение в том, что сестра все же не совсем покинула меня, – прошелестела она в ответ, опустив глаза.

– Часто ли она появляется? – спросил Пейдж, не моргнув глазом. – Когда вы видели ее в последний раз?

– Утром, на следующий день после смерти дяди. Я была в этой комнате, смотрела в окно. Когда утреннее солнце медленно заливает долину, это очень красиво. Я подумала: «Жаль, что Рэйчел не видит этого» – и почувствовала ее присутствие за плечом. На какой-то миг я даже смогла ее увидеть.

Доктор Пейдж задумчиво кивнул. В том углу, куда показывала девушка, стояла стеклянная горка с чайной посудой. Вряд ли Мэри могла принять ее за сестру.

Он задал еще несколько мягких, осторожных вопросов, глядя при этом не в лицо девушке, а на ее руки. Стоило ей задуматься над ответом, как ее пальцы принимались нервно крутить пуговицы одну за другой, будто ни на миг не могли остаться в покое.

Пейдж решил, что для первого раза достаточно.

После легкого обеда в компании священника и миссис Фаррингтон, двое друзей удалились в библиотеку.

– Ну, что скажете? – нетерпеливо спросил Фремлинг.

– Нервы у нее определенно не в порядке. Такой натуре, наделенной богатым воображением, очень вредно одиночество. Майору следовало поскорее выдать бедняжку замуж.

– Теперь-то он никак не сможет этому помешать. Разве что ее повесят за убийство. Между прочим, его убили в этой комнате.

Пейдж огляделся. Библиотека представляла собой типичный кабинет викторианского джентльмена, хотя, насколько он успел понять, по характеру майор Уэлш был ближе к средневековью. Он властно распоряжался жизнями своих домашних, словно какой-нибудь барон.

– Тело обнаружили служанка и конюх, – продолжал Фремлинг. – Кроме них, другой прислуги здесь нет. После завтрака майор ушел в эту комнату, и больше его живым не видели. В половине первого Ханна принесла сюда поднос – одной из привычек Уэлша было пить кофе перед обедом – но не смогла открыть дверь. Обычно он не запирался. Растерявшись, служанка позвала конюха, Джона Уайлда. Вдвоем они сломали замок и обнаружили Уэлша, сидевшего за столом. Ему проломили голову – вот этим.

Фремлинг взял с каминной полки увесистую бронзовую статуэтку. Тусклый свет, сочившийся в окно, блеснул на острых квадратных гранях.

– Ступа Будды, – задумчиво произнес Пейдж. – Иногда ее рассматривают как символ пути от неведения к высшему пробуждению.

– Угу. С ее помощью майору Уэлшу и помогли достичь просветления.

– Не слишком ли тяжелое оружие для нематериальной сущности? – пошутил Пейдж.

Фремлинг усмехнулся:

– По словам Ханны, разгневанный дух может учинить и не такое, а у Рэйчел были причины для злости...

– Я заметил, что Мэри пугается громких голосов и резких движений. Ее дядя, очевидно, был не самым приятным в общении человеком. Вы осматривали тело?

– Да, когда я его осмотрел, он был мертв уже несколько часов. Крови натекло порядочно, так что Ханне сделалось дурно, и конюх не знал, куда бежать: за врачом, священником или полицией. Тут еще Мэри спустилась в библиотеку, внеся свою лепту в общую панику. Окно было открыто, поэтому все сразу подумали о грабителе. Однако, по их словам, в доме ничего не пропало.

– Если исключить постороннего, то у нас остаются трое подозреваемых, – подытожил Пейдж. – Ханна, Джон Уайлд и Мэри Уэлш.

О призраке Рэйчел он умолчал. Пейдж старался придерживаться рациональной точки зрения.

– Разумеется, их всех допросили, – продолжал Фремлинг. – Уайлд заявил, что все утро провел у себя. Он живет в чердачной каморке над конюшней. Ханна готовила обед на кухне, в другом конце дома. Из чужих в тот день никто не

приходил. Мистер Уэлш вообще не жаловал визитеров.

– Если это был грабитель, то довольно дерзкий, – задумчиво рассуждал Пейдж. – Предположим, он заранее пробрался в библиотеку, пока все сидели за завтраком, и спрятался за портьерой. Потом, когда Уэлш пришел сюда, он подкрался сзади, разбил ему голову статуэткой и покинул дом через окно... Стойте-ка, вы говорили, что у Мэри есть жених? В таком случае смерть майора так же выгодна ему, как и ей.

– Помилуйте, он не мог этого сделать! – ужаснулся Фремлинг. – Да вы сами его только что видели! Это Джозеф Робинс, наш викарий.

Выйдя из библиотеки, Пейдж внимательно осмотрел дверь. На ковровой дорожке перед порогом темнело небольшое пятно.

– Как вы думаете, мисс Уэлш не сочтет за назойливость, если я поговорю с ее служанкой? – спросил он у Фремлинга.

– Думаю, она будет только рада, ведь Ханна – единственный человек, кто также твердо верит в призрака. Большинство полагает, что майора прикончил какой-нибудь бродяга. Нужно отдать должное инспектору, он распорядился послать отряд констеблей, чтобы прочесать пустоши.

Ханну Стоун они нашли на кухне, где она мыла посуду. Угловатая, нескладная девушка насупилась при виде незваных гостей, комкая передник распаренными красными ру-

ками. Было видно, что незваные гости немало досаждали ей в последние дни. Однако Пейджу, с его профессиональным тактом, все-таки удалось расположить девушку к себе:

– Вы тоже видели призрак Рэйчел, или он являлся только ее сестре?

– Чаще слышала, сэр. Мисс Рэйчел была знатная певунья. Особенно одну песенку любила... забыла, как называется...

– «Зеленые рукава», – подсказал Фремлинг.

– Да, точно. Хозяин, как ее слышал, прямо из себя выходил, но мисс Рэйчел все было нипочем. Смелая была, и за сестру всегда заступалась. Думаю, потому она и осталась. Духи ни за что не покинут дом, пока не закончат своих дел.

– Значит, после смерти майора призрак исчез?

– Что вы, вовсе нет! На следующий день мисс Мэри увидела сестру в гостиной и упала без чувств, бедняжка. Здоровье-то у нее неважное, да еще этот лондонский инспектор на нее выверился. Какая из нее убивица? Она и мухи не обидит!

Доктор Пейдж резко переменял тему:

– Вы каждый день приносили майору кофе?

– Да, сэр, мистер Уэлш во всем придерживался распорядка. Перед обедом – кофе, вечером – обязательно прогулка по пустошам, и неважно, дождь на улице или ветер. Вот как раз накануне был дождь, так хозяин все равно гулять пошел, а мне потом пришлось дорожку в коридоре чистить, да еще кабинет отмывать, будто у меня без того работы мало!

Пейдж отметил про себя этот факт. Он рассеянно заметил, как бы невзначай:

– Майор Уэлш, вероятно, много курил?

– Ужасно, сэр! Можно сказать, трубку изо рта не выпускал. Да еще любил крепкий простой табак, видно, в армии пристрастился. Иной раз войдешь в кабинет – аж глаза слезятся от дыма.

– Верно, даже я ощутил этот запах. Благодарю вас, мисс Стоун, вы нам очень помогли.

Выйдя из дома через черный ход, Пейдж с Фремлингом столкнулись на пороге с худощавым крепким мужчиной. Одет он был просто и неряшливо, темные спутанные волосы свисали ему на глаза. Вместо приветствия незнакомец зыркнул исподлобья и что-то пробурчал. «Это Уайлд, здешний конюх», – пояснил Фремлинг. Пейджу парень очень не понравился. Если бы он искал убийцу среди обитателей усадьбы, то Уайлда заподозрил бы в первую очередь.

Однако столичный инспектор, с которым мистер Пейдж познакомился в гостинице, не разделял его мнения.

– Значит, вы приехали из-за Мэри Уэлш, – хмыкнул он, когда Фремлинг должным образом представил их друг другу. – Надеюсь, вы убедите ее дать правдивые показания. Прикрываться обмороками и сказками о призраках – не лучший способ защиты, когда речь идет об убийстве.

– Не мое дело вмешиваться в ход расследования, но вам не

кажется, что из-за предвзятого отношения к мисс Уэлш вы упускаете другие варианты? Что вы скажете насчет конюха?

– Я подозреваю всех, пока не будет доказано обратное, – резко ответил инспектор Уолтон. – А насчет Джона Уайлда подумайте вот о чем: мисс Уэлш после смерти дяди получит приличное состояние, тогда как Уайлд почти наверняка потеряет работу. Как вы справедливо заметили, характер у него скверный. Вряд ли кто-то в городе захочет иметь такого конюха. Кроме того, у них в холле целая стена увешана охотничьими трофеями. Если Уайлд задумал избавиться от хозяина – почему не пристрелил его на прогулке? С ружьем он обращаться умеет, а майор каждый день бродил по пустошам.

В изложении инспектора это выглядело так логично, что Пейдж поневоле задумался.

На следующее утро доктор Пейдж решил нанести визит миссис Фаррингтон, чтобы вернуть ей медальон с портретом Рэйчел, который он накануне взял посмотреть. История двух сестер отчего-то захватила его воображение. То ли дело было в загадке, связанной с убийством, то ли его пленил романтический образ Мэри Уэлш, которая казалась узницей мрачной уединенной усадьбы. Судя по портрету, обе сестры были хороши собой. У обеих были художавые лица, рыжеватые кудри и большие серые глаза. Рассматривая медальон, Пейдж решил, что тихая кроткая Мэри, вероятно, привыкла

жить в тени своей яркой сестры. Даже на портрете Рэйчел Уэлш казалась более живой, чем ее сестра во плоти.

Веселая «цветочная» гостиная миссис Фаррингтон составляла резкий контраст с печальной обителью Уэлшей. Здесь царил уют, в воздухе таял аромат свежей выпечки, и вся мебель, насколько возможно, была украшена шелковыми вышивками.

Миссис Фаррингтон сидела под лампой в мягком кресле с пальцами в руках.

– Мы как раз вспоминали о вас! – радостно воскликнула она при встрече. – Ко мне только что заходил доктор Фремлинг. Представляете, у Мэри случилась очередная неприятность: вчера обнаружилось, что пропало семейное серебро.

Пейдж присел напротив, вопросительно подняв брови.

– Девочка и не хватилась бы его, если бы не вчерашний обед, – зачастила старая леди. – Им ведь так редко пользовались! Пропало большое блюдо, стоявшее в горке в гостиной, и еще парадные ложки и вилки. А ведь я говорила, что какой-то бродяга забрался к ним в дом! Ханне следовало бы получше запирать окна, да следить за вещами! Хотя жалко ее, бедняжку, вчера она так расстроилась, что доктор Фремлинг прописал ей успокоительные. Вы поедете к Мэри? Передайте, что я тоже сегодня ее навещу.

– Непременно передам, – пообещал Пейдж, когда ему представилась возможность вставить слово.

Миссис Фаррингтон не пришлось долго его уговаривать.

Взяв в гостинице коляску, он направился в усадьбу. Небо сегодня висело низко, прогнувшись под тяжестью влажных, косматых туч. Временами налетал ветер. Неброская прелесть вересковых долин настраивала на поэтический лад. Пейдж сам не заметил, как принялся насвистывать «Зеленые рукава» – любимую песню Рэйчел – и опомнился, уже подъезжая к усадьбе.

Тополиная аллея встретила его тихим шелестом. Плотные желтые листья переливались на ветру, словно золотые монеты. Где-то в саду вдруг послышался шепот, хрустнула ветка. Пейдж быстро обернулся. Сквозь переплетения ветвей чернели две фигуры, в которых он узнал здешнего конюха и служанку Ханну. Они были полностью поглощены собой, не замечая ничего вокруг.

Разумеется, он не стал их подслушивать. Привязав лошадь, доктор направился прямо к дому. Навстречу ему вышел местный констебль:

– Доктор Пейдж, – поздоровался он. – Вы уже слышали новость? Значит, это был все-таки грабитель!

– Я бы не спешил с выводами, – задумчиво ответил Пейдж. – В глубине сада я видел небольшой пруд, заросший тиной. Не сочтите за труд обыскать его дно.

Сам он прошел через знакомый коридор в гостиную и остановился на пороге.

Мэри Уэлш, как и вчера, сидела возле окна с книгой. Сегодня на ней было другое платье – темно-синее, с гладки-

ми рукавами. Ее пальцы нервно теребили книжную закладку. За последние несколько минут она не перевернула ни одной страницы, погрузившись то ли в грезы, то ли в размышления.

Эта девушка ставила его в тупик. Задумчивая отрешенность странно сочеталась в ней с холодной расчетливостью. Взгляд больших прозрачных глаз, казалось, был всецело обращен в себя, и в то же время Пейдж иногда замечал, как она исподтишка следит за всеми.

Доктор с состраданием подумал, что жизнь с таким человеком, как майор Уэлш, должна была научить обеих сестер самозащите. Только они выбрали разные способы. Оружием Рэйчел были острый язычок, дерзость и бравада. Мэри запаслась терпением, выдержкой и хладнокровием.

Кто же она? Несчастливая жертва или коварная убийца?

Со стороны сада донеслись возбужденные крики. Пейдж с досадой понял, что упустил момент, и теперь им вряд ли удастся спокойно поговорить. Кажется, поиски на дне пруда увенчались успехом. Лично он в этом даже не сомневался.

Ничем не выдав своего присутствия, доктор тихо отступил в коридор. В передней он наткнулся на констебля, который выглядел совершенно потрясенным:

– Вы оказались правы, мистер Пейдж! Оно действительно было там! Нужно срочно доложить инспектору... но будь я проклят, если понимаю, что здесь происходит!

В вытянутых руках констебль держал мокрый мешок, из

которого выглядывал край плоского серебряного блюда.

Джон Уайлд сидел на пороге конюшни и курил. При виде доктора он с готовностью подвинулся:

– Слыхали, какие чудеса у нас творятся? То пропало серебро, то вдруг нашлось!

Отчего-то сегодня Уайлд был на диво приветлив. Руки конюха слегка подрагивали, играя погасшей трубкой.

– Осмелюсь предположить, для вас это не было неожиданностью, – сухо сказал Пейдж. – Вы прекрасно знали, что не было никакого грабителя, так?

Ответом ему было молчание. Потом Уайлд невесело усмехнулся:

– Ладно, ваша взяла. Это я его убил. И, честно сказать, не жалею об этом!

– Ах, да бросьте вы играть в благородство! – вспыхнул Пейдж. – Неужели не понимаете, что ваше стремление защитить Ханну Стоун только хуже запутывает дело?! Признайтесь, это вы открыли окно в кабинете, так как Ханне при виде тела стало дурно. Кстати, а поднос был у нее в руках?

– Нет, стоял на полу в коридоре, – буркнул конюх.

– Ладно. Потом вам пришла светлая мысль свалить убийство на случайного бродягу, так что вы солгали про окно и даже решились стащить серебро, зная, что мисс Уэлш в жизни не вспомнит, когда видела его в последний раз! Но я уверен, что оно было на месте в первое утро после смерти май-

ора! Помните, когда Мэри привиделось лицо ее сестры в гостиной? Думаю, она мельком увидела свое отражение в блюде, прислоненном к стенке чайного шкафчика.

Джон Уайлд подавленно молчал, глядя в землю.

– Кто поверит служанке? – выдохнул он наконец. – Не мисс Мэри же его убила, в самом деле! Мы с Ханной давно хотим пожениться, когда подкопим немного денег, чтобы завести ферму. С Уэлшем было трудно иметь дело. Ханна могла найти местечко получше, но ей было жаль девчонку, ведь после смерти сестры ей совсем житья не стало!

– Если Ханна не убивала, никто не станет ее обвинять, – твердо сказал Пейдж, но Уайлд в ответ только мрачно и недоверчиво покачал головой.

Пейджу казалось, что истина притаилась где-то рядом, только он никак не мог ее ухватить. Закрытое окно библиотеки, пропавшее и найденное серебро, привязчивая мелодия старинной баллады – все это причудливо смешалось в его голове.

Ханна ловко орудовала ножом, нарезая овощи. На плите булькала кастрюля с бульоном. Появление доктора девушку не обрадовало.

– Послушайте, – устало сказал Пейдж, – я знаю, что вы солгали. В первый раз вы обнаружили майора одна, не так ли? Вы так испугались, что чуть не выронили поднос. Кофе слегка расплескалось, и на дорожке в коридоре осталось пятно.

После убийства вам, естественно, было не до уборки...

Рука с ножом неподвижно замерла над разделочной доской. В наступившей тишине было слышно, как слегка дребезжит крышка кастрюли.

– Пятно? – очень тихо спросила Ханна. – Что ж это я... это нужно уксусом... поскорее...

Она потянулась за бутылочкой, стоявшей на полке над столом.

– Послушайте, это сейчас неважно!

– Нет-нет, надо срочно, а то потом не выведешь...

Поставив пузырек на место, Пейдж усадил женщину на стул.

– Пятно подождет, – твердо сказал он. – Расскажите, как было дело.

Пустой взгляд Ханны безразлично скользнул по овощам, аккуратно разложенным на доске. Они были сложены в отдельные кучки: картошка, морковка, лук. Несколько кубиков моркови отлетели к краю, и Ханна аккуратно поправила их рукой.

– Я испугалась, – сказала она бесцветным голосом. – Он сидел там весь в крови, и я слышала что-то... как будто чье-то дыхание. Кто-то негромко засмеялся. Я сразу захлопнула дверь. Подумала: духи могут насылать видения, но Джона *она* не заморочит. Он не такой. Тогда я оставила поднос на полу и сходила за ним. Сказала, что не могу открыть дверь.

– Вы боялись, что вас обвинят в убийстве?

Съездившись на стуле, Ханна медленно покачала головой:

– Нет. Я боялась, что *она* еще там.

Как и в прошлый раз, Пейдж вышел из дома через черный ход. Навстречу ему энергично шагал инспектор Уолтон, которого, вероятно, вызвал констебль. К удивлению доктора, инспектор прямо-таки излучал азарт и уверенность.

– Добрый день. Вам сообщили, что серебро уже нашли? – спросил Пейдж, приноравливаясь к его шагам.

– Знаю.

– И еще я думаю, что Ханну можно исключить из числа подозреваемых.

– Я ее давно исключил, несмотря на их проделки с окном. Вы ведь тоже почуяли табачный запах в библиотеке?

– Ага, в комнате, где окно якобы оставалось открытым несколько часов, – кивнул Пейдж. – Теперь вы радуетесь, что все эти детали косвенно указывают на мисс Уэлш?

– Нет. Я радуюсь, что нашел улику, которая позволит наконец разоблачить убийцу.

Они оба проследовали в гостиную, где к Мэри Уэлш успели присоединиться миссис Фаррингтон и доктор Фремлинг. Коротко приветствовав собравшихся, Уолтон без проволок заявил:

– Господа, произведя в кабинете более тщательный обыск, я обнаружил там вот это.

Глухо звякнув, на блюде упала маленькая пуговица, об-

тянутая черным шелком. Растерявшись от неожиданности, Пейдж бросил быстрый взгляд на Мэри. Девушка, резко побледнев, приподнялась на стуле, но почти сразу повалилась обратно, откинувшись на спинку. Фремлинг поспешил было ей на помощь, однако Уолтон его удержал:

– Оставьте ее, наверняка это притворный обморок! Итак, мисс Уэлш уверяла нас, что в то утро не входила к дяде. Однако пуговица не могла появиться там днем раньше, так как вечером накануне убийства Ханна вычистила кабинет!

Его слова прервал хриплый клетот. Медленно выпрямившись с закаченными глазами, Мэри Уэлш расхохоталась. Пейдж невольно попятился, чувствуя, как спину холодит липкий пот.

– Ну коне-е-ечно, – протянула она глумливо, непохоже на ее обычный тихий голос. – Разумеется, это была я. Только Мэри здесь не при чем.

– В смысле... что вы хотите сказать? – растерялся инспектор. Миссис Фаррингтон вскрикнула, прижав ладони к щекам.

Не глядя на инспектора, девушка насмешливо пропела:

Я всегда была у тебя под рукой,

Чтобы выполнить любую твою прихоть...

Знакомые строчки старинной баллады вдруг приобрели зловещую окраску. Послышался истеричный шепот миссис Фаррингтон:

– Это не Мэри! Духи могут говорить через человека, когда

он находится без сознания... Это голос Рэйчел!

Старая леди нервно вцепилась в руку мистера Фремлинга, и тот привычным движением протянул ей флакон с нюхательной солью.

Словно измученная непомерным усилием, Мэри вновь откинулась на спинку стула. Рядом с ней засуетились доктор с крестной, силясь привести девушку в чувство, и на этот раз инспектор не стал им мешать.

Подавленные разыгравшейся сценой, Пейдж с Уолтоном вышли наружу. Длинная ровная аллея уходила вдаль. Пейдж счел нужным заметить:

– Не знаю, где вы раздобыли эту «улику», но ваша находка ничего не доказывает. Я еще вчера обратил внимание на рукава мисс Уэлш, и все пуговицы на них были целы.

Уолтон невесело усмехнулся:

– Эту пуговицу я нашел вчера под столом в гостиной. Мне нужна была любая зацепка, хоть что-нибудь, чтобы заставить девчонку признаться! Это она, Пейдж, я чувствую! Я немало повидал на службе таких тихонь!

– Что ж, надеюсь, вы удовлетворены, – сухо ответил Пейдж. – Хоть бы посоветовались, прежде чем подвергать девушку такому испытанию! В любом случае, я уверен, что ее ждет лечебница, а не тюрьма.

Весь азарт и оживленность инспектора разом исчезли. Он с досадой покачал головой:

– Что-то мне подсказывает, что она снова обвела нас вокруг пальца. Или нет? Вы же доктор, скажите, такое возможно? Могут ли в одном теле ужиться две души, да еще такие разные, как Рэйчел и Мэри?

Пейдж в ответ только вздохнул. Он читал труды Пюисегюра о сомнамбулизме и статьи Брейда о раздвоении сознания. Воображал, что однажды постигнет загадки человеческого разума... Но сейчас он чувствовал себя так, будто заглянул в пропасть.

– Кто может знать, что есть душа? – беспомощно спросил он, подняв взгляд к серому небу. – Это извечная тайна, к которой мы едва осмеливаемся прикоснуться...

Над их головами горело рыжее пламя тополей.

Капкан для Счастливого

– Держи его!

– Вон он! Я его вижу!

Счастливчик мчался изо всех сил, не выпуская добычи. Пролетел чей-то палисадник, не глядя перемахнул через глиняный вазон с геранью, ловко проскользнул между парой зевак, просвистевших ему вслед. Преследователь не отставал.

Эх, а как всё хорошо начиналось! Он без сучка и задоринки проник в давно примеченный дом. Искомая вещь обнаружилась сразу же, будто нарочно для него была приготовлена. И надо же такому случиться, чтобы на обратном пути влипнуть в нехоти поднявшуюся хозяйку! Её вопль, казалось, до сих пор звенел у Счастливого в ушах.

«Деревня! – пропыхтел про себя Счастливчик. – Здесь всем до всего есть дело!» Многие его приятели, из тех, кто побойчее, давно переселились в лежащий внизу огромный город Солхан, а он из какой-то глупой сентиментальности до сих пор обретается здесь. В этом задрипанном местечке уличный парень даже позавтракать не может, чтобы не оповестить об этом полгорода!

Узкая улица, петлявшая вниз, к площади, вдруг ошетичилась ступеньками. По ним навстречу Счастливчику медленно поднималась тучная, одышливая Белка из Зелёного дома,

тащившая ведро с водой. На середине лестницы они встретились. Белка, охнув, выпустила ведро. Счастливчик чуть не покотился кувырком, когда его прилично окатило ледяной водой. Раздражённая ругань хлестнула по ушам. Вдогонку ведро звонко отсчитывало ступеньки.

– Что за дурища! – фыркнул про себя воришка, отплёвываясь от воды. – Правду говорят: встретишь с утра бабу с ведром – быть беде!

К счастью, площадь была уже близко. Счастливчика сразу же ослепило яркое солнце, оглушил хоровод голосов и запахов. Дорогу загородил какой-то верзила с корзиной яблок. Счастливчик метнулся вбок, пытаясь его обогнуть. Носильщик споткнулся, запутался в ногах и выронил корзину. Яблоки с дробным стуком рассыпались по брусчатке. Воришка уже улепётывал дальше, петляя между пёстрыми палатками, а вслед ему неслись смешки прохожих и громкие проклятья продавцов.

Преследовавший его человек, слава богам, где-то застрял и отцепился, зато к забавной игре «поймай Счастливчика» подключились мальчишки с Песочной улицы, его давние недруги. Счастливчик мысленно взвыл. Уж эти не отстанут, проверено! Слева вырос удобный сплошной забор, воришка напрягся для прыжка, и тут же над его головой в забор ударил камень. Мальчишки знали все его уловки наизусть.

Счастливчик припустил ещё быстрее, так что вывески на магазинчиках, по которым он когда-то учился читать, сли-

лись в сплошную неразбериху. Ничего, вон уже показалась впереди спасительная улочка. Теперь он точно уйдёт! Та улица была совсем короткой и в конце перегорожена ажурными воротами, ведущими в пышный сад, принадлежащий одному местному богатею. Он, Счастливчик, проскользнёт через ворота, как нож сквозь масло, а его преследователи пусть себе бьются лбами о железные створки.

Все толковые ребята из друзей Счастливчика знали этот проулок наизусть. Надежда на близкое спасение придала сил. Ноги враз окрепли, прибавив ему прыти.

За пару часов до начала этой драматичной погони Старик, прихватив кружку чая, вышел на крыльцо своего старого дома в Солхане, неторопливо осмотрелся. Соседние дворы ещё спали, в утренней тишине слышалось ритмичное дыхание моря, в глубине Полуострова синели далёкие горы. Старик прихлёбывал чай, наблюдая, как утреннее нежаркое солнце неспешно прогуливается по крышам. День обещал быть чудесным.

С тех пор как его дети и внуки разъехались кто куда, он остался в пустом доме один, как камешек в гулкой раковине. Только в горах, в небольшой деревушке жили его дальние родственники, в основном, такие же старики, уже прочно осевшие здесь и отказавшиеся от намерений покорить большой мир. Летом каждую неделю Старик раз навещал их там наверху, забирал сыр и молоко, подвозил продукты. Он про-

дельвал это с педантичностью пожилого человека, располагающего массой свободного времени и иногда страдающего от недостатка разнообразия в жизни.

Старик грел руки о кружку и предавался мыслям. Когда он был помоложе, ему тоже случалось помогать пастухам пасти коз и овец в закрытых горных долинах. С годами воспоминания не стёрлись, даже будто бы стали ещё ярче. Он хорошо помнил пьянящий воздух высокогорных лугов, живой пушистый ковёр из сотен овечьих спин. За день они так прогревались солнцем, что от них чуть ли не пар шёл. Помнил утомительную бесконечную дойку, от которой поначалу с непривычки сводило пальцы. И не дай боги произнести кому хоть слово, пока молоко не будет слито в огромный котёл, подвешенный над огнём. Это действие должно было происходить в молчании. Иначе, согласно примете, волки так проредят твоё стадо, что и доить будет некого. Старик вспоминал ночные дежурства в компании самых опытных пастухов, умеющих говорить с духами. Когда таинственная, пахнущая шафраном темнота подступала к самому костру, и навязчивая дремота прерывалась яростным лаем собак. Поди угадай, кого там принесло в темноте. Бывало, что и волков.

– Да... – прервал Старик воспоминания и постучал по перилам крыльца. – Эй, Джумбо! А помнишь, как ты чуть с волком не сцепился?

Под крыльцом послышалось недовольное ворчание и при-

глушённая возня. Старик усмехнулся. По нынешней жаре старый пёс совсем разленился и целыми днями спал, отыскав местечко попрохладней.

Сегодня, как обычно, Старик рассчитывал выехать до того, как встанет жара, но не слишком рано, чтобы не быть застигнутым туманом на узких горных дорогах. Ехать приходилось через Звездинку – маленький городок в предгорьях, похожий отсюда на рассыпавшуюся по склону отару белых овец.

– Никогда не знаешь, не придется ли застрять там, – пробормотал про себя Старик. – Вечно там что-то случается! То ли встретишь старого знакомого, то ли встрянешь в чью-то уличную склоку... Джумбо! Просыпайся, лентяй. Ехать пора.

Здоровенный мохнатый ком, наконец, выбрался наружу. Распрямился, потянулся, встряхнул башкой, вывалив розовый язык. Старик тем временем вывел из сарая осла, по виду примерно своего ровесника, и выкатил такую же древнюю повозку. Когда-то она была выкрашена в весёлый голубой цвет, но за долгие годы краска стёрлась, облупилась, и теперь повозка была пёстрой, как яйцо перепёлки. Старик решил особенно тщательно проверить колёса и оси, а то в прошлый раз в горах его чуть не настигла неприятность. Дороги там больше годились для коз, чем для человека. Но сначала он отнесёт кружку в дом. Все равно спешить ему особенно некуда.

Счастливец метнулся в проулок, проскользив на повороте и... едва успел затормозить. Спасительный путь оказался перекрыт! Весь проход был занят гладкой лоснящейся тушей бульдога Джека из дома напротив. Вот же не повезло! Обычно работники поливали сад по вечерам, но сегодня, видимо, из-за жары, они проделали это утром. Джек с удовольствием разлёгся на влажной плитке, наслаждаясь прохладой и тенью от ворот, когда его покой был неожиданно нарушен Счастливецом. Воришка лихорадочно оглянулся. Сзади маячили мальчишки, впереди – недружелюбная морда Джека, уже поднимавшегося на ноги. Ну и кого предпочесть?

На какой-то миг Счастливец растерялся, охваченный внезапной паникой. Но инстинкт выживания помог ему вовремя выхватить из вороха суматошных обрывочных мыслей спасительную идею. Только бы получилось!

Он развернулся на месте и бросился в сторону мальчишек. Те порскнули врассыпную не столько от Счастливика, сколько от громадного пса, рванувшегося за ним следом.

Старая повозка медленно двигалась по узким улочкам Звездинки, поскрипывая на поворотах и потихоньку подбираясь к площади. Старик задумчиво что-то мурлыкал себе под нос, Джумбо спал, осёл мерно цокал по черно-белым камешкам, которыми была вымощена дорога. Он настолько привык к этим еженедельным поездкам, что не нуждался в

указаниях возчика. Тело старика исправно выполняло функции возницы, но его разум снова заблудился в воспоминаниях. Он вдруг подумал, что можно пару дней провести наверху, в горах. Уйти к пастухам, переночевать разок в деревянной хижине с закопчёнными стенами, в центре которой играет огонь. Вечером, когда все соберутся, поужинать неожиданно вкусной похлёбкой, выслушать множество баек и рассказать кое-что самому. Может, даже тряхнуть стариной и подежурить ночью. Говорят, в последние годы волков стало заметно больше, это не к добру...

Одно из правил, которые усвоил Счастливчик за время жизни в городе, заключалось в том, что жизнь людей во многом подчиняется семидневному ритму. Этому его научили и таблички "закрыто" на магазинах, и шумные компании дачников в предместьях, у которых всегда было чем поживиться. И сейчас он взмолился всем божествам, покровителям плутов и обманщиков, чтобы какая-нибудь досадная случайность не нарушила привычный порядок, укоренившийся в городке, так как от этого буквально зависела его жизнь. Счастливчик проскочил в миллиметре от стены, чудом увернулся от камня, пущенного самым ловким мальчишкой, и прыжками помчался обратно к площади, стараясь воскресить в памяти нужную дорогу.

Прыжок, ещё прыжок, поворот и – вот она, знакомая скрипучая повозка, пахнувшая сыром, собакой и старостью, на

которой дремал ветхий возчик с хворостиной в руке. Счастличик с разбегу плюхнулся прямо в повозку, приземлившись на какой-то лохматый тюк, нестерпимо вонявший псиной. Джумбо подскочил от неожиданности и вывалился на дорогу, оказавшись нос к носу с бульдогом Джеком. Пёс встряхнулся, сбрасывая с себя остатки сна, и тут заметил соперника.

Оба пса замерли, ощерив зубы и демонстрируя друг другу свою важность и силу. Мальчишки тут же забыли про Счастличика, найдя себе более забавное развлечение. Они сгрудились стайкой неподалёку, подзадоривая обоих псов. Очнувшийся Старик, крикнув что-то пару раз собаке, понял, что его приятель слишком увлечён «светской беседой», так что в ближайшее время назад его не дозовешься. Он со вздохом отогнал повозку в тень старого платана и приготовился к долгому ожиданию. А Счастличик, выскочив из повозки, мигом вздрался по водосточной трубе и через минуту уже оказался в вожделенном мире крыш, каминных труб и чердаков Звездинки, знакомом ему до последнего камешка.

Крупный матёрый кот, серый с подпалинами, мягко спрыгнул на крышу сарая, зажав в зубах куриную ножку. Он аккуратно пристроил добычу на кусок дранки, нагретой солнцем, и принялся за еду. Время от времени кот поводил рваным ухом, настороженно прислушиваясь, но вокруг всё было тихо. Насытившись, Счастличик тщательно умылся и

вальяжно разлёгся на солнышке, подставив теплу меховой бок, где в густой шерсти белела пара старых шрамов. Солнце мягко пригревало, снизу доносился привычный городской шум, вдалеке на синей ладони моря белели лепестки парусов. «День определённо удался», – подумал Счастливчик.

День святого Фортунатоса

Солнечным весенним днем главная площадь города Пичено была полна народом, как подсолнух семечками. Бассо по прозвищу Кастроне (что означало «баран») сидел на своем обычном месте на паперти, угрюмо уставившись перед собой. Возле его ноги стояла плошка для подаяния, а чуть дальше в толпе мелькали лавочники, мастеровые, суетливые покупатели, жулики, продавцы индульгенций (коих Бассо тоже причислял к жуликам), шустрые мальчишки и хмурые отставные вояки. От невообразимого шума мутилось в голове. "Эта толпа – поистине омут человеческих грехов!" – желчно думал Бассо. День еще не склонился к полудню, а он уже успел стать свидетелем обмана, распутства, праздности, чревоугодия... Прямо сейчас перед ним разворачивалась сцена алчности: старая ханжа Тереза Чеккони шумно торговалась с горшечником. Видно, правду говорил на проповеди отец Северин, что оскудели души людей, и те погрязли в суетности, в погоне за простыми удовольствиями...

Вдруг Бассо вздрогнул. Сквозь пелену его мыслей пробился чей-то крик. Кажется, на площади что-то случилось.

Он видел, как толпа сначала прихлынула к дверям лавки мессира Аваро, а потом вдруг начала стремительно таять, растекаясь по ближайшим улочкам, словно всех людей охва-

тило страстное желание оказаться подальше отсюда. Толпа двигалась, как живое море. В мгновение ока середина площади, где торчал старый колодец, очистилась, лишь несколько человек остались стоять возле лавки. Время от времени кто-то из них заглядывал внутрь и, качая головой, выходил обратно. У Бассо аж в груди засвербило, так хотелось подобраться поближе, но на одной ноге скакать было бы несподручно. Он изо всех сил вытянул шею, напрягая зрение. Что же там происходит? Как назло, в этот момент обзор ему заслонила широкая спина в коричневой рясе. Какой-то пришлый монах вышел на площадь, с любопытством озираясь по сторонам. Он вел в поводу понурого мула, едва перебиравшего ногами. Оба они, и человек, и животное, выглядели усталыми донельзя, словно им пришлось проделать немалый путь. «Да уберись ты отсюда, вот принесла тебя нелегкая!» — мысленно взмолился Бассо, изнывающий от любопытства. Словно вняв его просьбе, монах покачал головой и зашагал дальше. И тогда Бассо увидел...

***Виттория Анъези, знатная патрицианка.** Вы спрашиваете, с чего все началось? С человеческой гордыни, отец Кассио. С банального человеческого тщеславия.*

***Пьетро ди Горо, городской лекарь.** Да, это я готовил его к погребению. У жертвы сломаны два ребра с правой стороны и правая голень, раздроблен череп, кроме того, несчастному сильно изрезали лицо и руки. Ужасный случай, поис-*

тине ужасный.

Кассио Росси добрался до монастырского подворья, когда пробил обеденный колокол. Аббатство Монтекари располагалось на склоне холма совсем недалеко от города. Кассио, посланца кардинала Лоренцо из Эттуро, встретили там со всей сердечностью. Аббат Беллини сам вышел приветствовать дорогого гостя, распорядился отвести ему удобную келью в странноприимном доме и проводил в трапезную, где уже собрались остальные братья. Аббатство было небольшим: в нем проживало тридцать монахов и примерно столько же слуг. В трапезной Кассио усадили за стол аббата, рядом с приором, братом Северином. Это был немолодой, тучный человек с открытым добродушным лицом. Приора явно обрадовало появление в обители свежего человека, которого можно расспросить об иноземных делах. Не стесняясь в выражении дружеских чувств, он заботливо потчевал Кассио всем, что могли предложить монастырские кладовые. Зато аббат держался более отстраненно, блюдя свое достоинство, и, пользуясь случаем, исподволь наблюдал за гостем. И без того высокий, Кассио казался еще выше за счет худобы. Вероятно, в юности он был рыж, что подтверждало его прозвище – Росси, но сейчас в его волосах было куда больше седины, чем огня. На загорелом лице выделялся внушительный нос, поистине орлиный, острые глаза цепко смотрели из-под густых бровей, подмечая каждую мелочь. Аббат Беллини ре-

шил, что кардинальский посланник ему, пожалуй, нравится. Кроме того, у Росси была репутация человека проницательного, так что его прибытие оказалось очень кстати.

Утолив первый голод, Кассио готов был рассказать о своих делах:

– Я приехал ради прорицателя, который объявился в вашей обители. Слух о нем дошел до Эттуро и возбудил немало любопытства. Сам кардинал Лоренцо хотел бы видеть человека, предсказавшего вспышку чумы два года назад.

– В жизни не забуду ту весну, – вздохнул приор. – А ведь мы сначала не верили Паоло! Задолго до того, как мы получили весть о заразе, он говорил, что в год, когда снег дважды укроет мыс Карвенол, вокруг Пичено сомкнутся горы, и наступит судный час для его жителей. Так и вышло. Когда чума начала расползаться от побережья, люди герцога закрыли перевалы, чтобы не допустить распространения заразы. Долина Орчия стала кладбищем для многих и многих. После этого уже никто не сомневался, что Господь наградил Паоло пророческим даром!

– Я хотел бы побеседовать с этим послушником.

– Конечно. Он скоро должен вернуться, я послал его к кожевнику за пергаментами. Нам всем жаль расставаться с Паоло, но мы понимаем, что в Эттуро его дар принесет больше пользы Святому Престолу. Ах, как жаль, что вы не приехали неделей раньше! До того, как Паоло успел произнести еще одно пророчество!

– Меня задержала распутица, – пояснил Кассио, воздавая должное запеченной рыбе. Кормили здесь не в пример лучше, чем на постоялом дворе в Квирико, где ему пришлось проторчать целую неделю, ожидая, пока подсохнут дороги. – Вы сказали, недавно было сделано еще одно предсказание?

– Увы, оно сбылось сегодня утром!

– Да, при въезде в город я заметил какую-то суету... Кажется, на площади случилось несчастье?

– Убийство! – горестно воскликнул приор. – И даже хуже того!

– Помилуйте, что может быть хуже убийства?

– Как раз то, что Паоло его предсказал.

Тереза Чеккони, пожилая горожанка. Все, все совпало до последнего слова! И время, и обстоятельства гибели несчастного Авара! Господь явил нам еще одно чудо!

Паоло Фиоре, послушник в аббатстве Монтекари. Как станет прахом ложная личина, так сгинет змей, опутавший весь город, и страждущие обретут покой.

После полудня, направляясь обратно в город, Кассио вспоминал свою встречу с Паоло. Таинственный прорицатель оказался совсем юным, почти мальчишкой. Невысокого роста, узкоплечий, в простой светлой тунике с кожаным поясом, на котором висели четки. Бросив на высокого гостя один любопытный взгляд, он вежливо поклонился, так

что густые светлые волосы закрыли щеки. На вопросы отвечал охотно, но коротко, держался застенчиво. Кассио полагал, что умеет разбираться в людях. В лице послушника, в его серых чистых глазах он сразу угадал своеобразную откровенность, свойственную творческим людям либо безумцам. Но было еще кое-что. В поведении Паоло ему виделась растерянность человека, бросившего маленький камешек с вершины и теперь изумленно созерцающего разрушительные последствия лавины.

Кассио устал. Ему пришлось проделать нелегкий путь. Город Пичено располагался в долине Орчия, окруженной горами Монте Лага и Монте Сибиллини, и дорога сюда была столь же живописна, сколь и трудна для путника, тем более обремененного годами. Но происшествие на площади возбуждало его любопытство, кроме того, приор был так взволнован, что было совестно отказать ему в помощи, и Кассио пообещал сейчас же осмотреть лавку несчастного Авара.

Северин рассказал ему, что город Пичено находился во владении дома Гвиччарди. Правда, нынешний граф Лодовико отличался любовью к перемене мест и никогда не оставался здесь подолгу. С повседневными делами магистрат прекрасно справлялся сам, но об убийстве известного купца им волей-неволей придется доложить графу.

– Мессир Кривелли, светский судья, очень надеется, что в том же письме сможет указать и убийцу, – говорил приор. – Понимаете, характер графа весьма крут, а правосудие

он вершит, главным образом, в подвалах замка... – Тут Северин спохватился, что своими словами порочит одного из сильных мира сего и поспешно закончил: – В общем, все согласны, что в этом деле лучше обойтись без вмешательства графа. Однако я опасаясь, что лишняя поспешность может привести к неверным выводам.

Его беспокойство показалось Кассио преувеличенным:

– Не думаете же вы, что кто-то заподозрит Паоло? Вряд ли можно вменить ему в вину его дар!

– Ах, если бы только это! К сожалению, Паоло тоже был на площади сегодня утром.

Под аркой, открывающей въезд на площадь, его дожидался худощавый человек в строгом черном дублете. Это был, конечно, Антонио ди Сандро, фискал и глава местных сыщиков. Приор заранее договорился с ним, и Антонио сказал, что будет рад любой помощи. Они с Кассио решили еще раз осмотреть лавку вместе.

С первого взгляда было понятно, что дела у покойного купца шли неплохо. Помещение лавки дышало богатством. Комната была тесно заставлена сундуками, на полках вдоль стены лежали штуки драгоценного сукна, в углу стояла конторка с раскрытой книгой. Несколько портил впечатление погром, устроенный в передней части комнаты. Портьера сорвана, пол возле окон был усеян осколками зеркала, в которых дробилось яркое солнце. Нелепым углом торчала сло-

манная рама из полированного дуба, отделанная серебром. Чуть поодаль валялась опрокинутая стремянка. Тело, конечно, уже унесли. На полу остались лишь несколько зловещих темных пятен. Среди осколков Кассио заметил каминную кочергу.

– Зеркало висело вон там, напротив входа, – сказал Антонио, указав на простенок между окнами.

– Зачем вешать его так высоко?

– Оно нужно было Аваро не для того, чтобы любоваться на свое отражение, – пожал плечами сыщик, – а скорее для того, чтобы похвастать удачным приобретением. Аваро купил зеркало у одного разорившегося купца из Венетты, и, должен сказать, оно было великолепно!

– Да, тамошним стекольщикам нет равных, – согласился Кассио. – Интересно, синьор Аваро больше гордился самим зеркалом, или способом, которым удалось его заполучить?

– Полагаю, и тем, и другим. Раз в неделю утром он всегда тщательно чистил зеркало и раму, это был своего рода ритуал.

– Должно быть, этим он и занимался, когда в лавку вошел убийца, – пробормотал Кассио. Он огляделся, пытаясь воссоздать в воображении картину произошедшего. Аваро стоит, отвернувшись, кто-то входит в лавку, наносит удар, купец отчаянно пытается удержаться, хватаясь за что попало, а потом все рушится вниз...

– И надо же, чтобы это случилось в День святого Форту-

натоса! – воскликнул Антонио. – Паоло точно все предсказал: и про зеркало, и про змея!

Фортунатос был известен тем, что силой молитвы изгнал из Катуйи водяного змея, долгие годы терзавшего город. Кассио не стал спорить о толковании пророчеств, а предпочел сменить тему:

– Кто обнаружил тело?

– Синьор Оливьеро, золотых дел мастер. Перепугался, бедняга! Выбежал из лавки, размахивая руками, как ветряная мельница, и так кричал, что мы не сразу поняли, что случилось.

Монах подошел к конторке, на которой рядом с рогатой чернильницей лежала приходно-расходная книга. Страницы пестрели ровными колонками цифр и списками товаров, сделанными мелким убористым почерком. Похоже, Аваро очень аккуратно вел дела. Внимание Кассио привлек отдельный лист, вложенный в книгу. Развернув его, он увидел два списка: имена и денежные суммы, не слишком большие. Это было любопытно. Должники? Аваро давал деньги в рост, но эти записи были отражены в книге. Для чего тогда отдельный лист? Антонио тоже затруднился с ответом, пообещав опросить горожан, указанных в списке. На всякий случай Кассио переписал себе имена, чтобы поразмыслить на досуге.

Их беседу прервал невысокий щуплый человек, который растерянно заглянул в лавку, но, увидев ди Сандро, обрадовался и затараторил о каких-то инструментах, которые дол-

жен был привезти синьор Аваро, и о срочной надобности. Кассио не особенно прислушивался. В отличие от Антонио, он-то в лавке был впервые и надеялся найти еще что-то, могущее прояснить обстоятельства трагедии. Некоторые фразы, впрочем, застряли у него в памяти:

– Не только я, все это говорят! Все знают, что Зервас с Аваро никогда не ладили!

– Пока еще рано делать какие-то выводы, синьор Оливьеро...

– Чего еще ждать от этих каджасов! Проклятые язычники, нечестивцы...

В этот момент Кассио перестал слышать обоих собеседников, так как нашел, наконец, кое-что любопытное. Осматривая сломанную стремянку, он вдруг заметил, что одна ножка лестницы треснула, и в расщепе застряло несколько грубых коричневых нитей. Кассио ярко представил, как убийца склоняется над жертвой, не заметив, что подол зацепился за расщепленное дерево. На несколько мгновений он словно оглох и ослеп, пока совесть в нем боролась с лояльностью. Но ведь несколько жалких шерстинок еще ничего не доказывают? Воспользовавшись тем, что его помощник был увлечен разговором с нечаянным посетителем, Кассио, украдкой оглянувшись, осторожно выпутал нити из древесины и спрятал за отворот рукава.

Луиза Порчелли, купеческая вдова. Представить не мо-

ду, кто мог желать ему зла! Бедный, бедный синьор Аваро! Всегда такой обходительный. Он привез Джулии на свадьбу великолепный бархат цвета turchino, прекраснее которого я в жизни не видела! Моя дочь скоро выходит замуж, знаете ли. Нет, мне никогда не приходилось занимать денег, что за вопрос! Двадцать дукатов? Ах, это не я должна Аваро, наоборот. Но я не торопила его с возвратом долга, право же, это могло подождать.

Тереза Чеккони, пожилая горожанка. *Все мы грешны. Я чувствую себя виноватой, даже когда просто прохожу мимо церкви. В этом деле наверняка замешана женищина! Как вы считаете, отец Кассио?*

– Зервасы появились здесь год тому назад, – рассказывал приор. – Томас Зервас (которого здесь стали называть Томазо), его жена Нерисса и взрослый сын. Они приехали из Клабрии. Бежали от войны. Томазо подарил графу Лодовику трех великолепных коней, и тот разрешил бывшему скотоводу поселиться в городе и вести торговлю.

Кассио с приором прогуливались по монастырскому саду, где в этот час можно было рассчитывать на некоторое уединение. Вечерело, внизу в городе затеплились огни, приглушенно шумели липы на аллее. До повечерия оставалось еще некоторое время, и Кассио решил использовать его, чтобы рассказать приору об осмотре лавки, а заодно расспросить его о Зервасах, беженцах с юга.

В то время как здесь, на севере, жизнь текла спокойно и мирно, южные земли страдали от военных баталий. Уже третий год маркграф Гуго и король Федерико не могли поделить между собой Кессалийскую равнину, заставляя жителей Клабрии терпеть ужасные лишения. Особенно тяжело пришлось скотоводам-каджасам. Многим из них пришлось продать свои табуны и податься в чужие края в поисках лучшей доли. Большинство бежали в соседние провинции – Сардию и Мессапию, но некоторые отчаянные беглецы добивались даже до Венетты.

– До приезда Зервасов мессир Аваро был самым богатым и значительным купцом в округе. Когда появился мессир Томазо, его влияние уменьшилось, и, понятно, это его не обрадовало. Я слышал, что Зервас перехватил у него несколько выгодных сделок. Однако в последнее время дела у Томазо идут не очень хорошо. Если бы он и его семья перешли в истинную веру, к ним в городе относились бы куда лучше.

– А разве они не...?! – от изумления Кассио даже запнулся. Невозможно поверить, чтобы аббат Беллини упустил возможность спасти три невинные души!

– О, Томазо давно готов креститься, но каждый раз, как нарочно, возникает какая-то помеха! Так оно и откладывается с месяца на месяц. Между нами, есть еще одно обстоятельство, – понизив голос, сказал приор. – В конце ноября Паоло жестоко простудился и сгорел бы от лихорадки, если бы не донна Нерисса. Она неделю не отходила от его постели,

пользуя мальчишку какими-то отварами и вонючими мазями, о которых мы и слыхом не слыхали! Благодаря ей через месяц Паоло поднялся на ноги. Аббат Беллини очень привязан к мальчику, тем более что Паоло, вероятно, прославит нашу обитель. Думаю, этим объясняется недостаток твердости аббата в обращении с Зервасами.

– И все же я не верю, чтобы Зервас мог так изуверски расправиться с Аваро, – помолчав, добавил Северин. – Не такой он человек.

В голосе приора Кассио различал сочувствие к Зервасам и вместе с тем облегчение от того, что острый взгляд правосудия был нацелен в другую сторону от обители. Облегчение слышалось слишком явственно, чтобы Кассио мог его игнорировать. Коричневые нити, спрятанные в рукаве, не давали ему покоя.

– Я нашел в лавке одну любопытную вещь, – сказал он. – Список горожан вкупе с денежными суммами напротив каждого имени.

– Какие-нибудь торговые дела, – пожал плечами приор.

– В списке есть имя аббата Беллини. Напротив него указана сумма в пятьсот сольди. Что бы это могло означать?

Северин некоторое время с изумлением смотрел на него, потом вдруг хлопнул себя по лбу:

– Ах, это! Месяца три назад мессир Аваро заказал нам перевод одной довольно редкой поэмы. Мы с радостью выполнили его просьбу. Карло Аваро – преданный сын церкви, и

не раз помогал обители в тяжелые времена. Все же он настаивал на том, что впоследствии оплатит эту услугу, когда раздается с денежными затруднениями. Теперь я вспомнил: сумма в этом списке – долг Аваро.

– Ясно, – кивнул Кассио. На душе у него было смутно.

Мария Контарини, патрицианка. Напрасно его милость подарил Зервасам дом на виа Кьяри. Где-нибудь на окраине им было бы гораздо спокойнее, и они не лезли бы всем на глаза.

Хотя приор больше не настаивал на участии Кассио в расследовании, теперь он уже сам не мог бросить это дело. Спросив у Антонио следующим утром, где находится дом торговца Зерваса, Кассио отправился на виа Кьяри.

Оказалось, что мессир Томазо уехал по делам, и дома был только его сын, Джанни. Юноша вошел в комнату – и Кассио поразился его своеобразной красоте. Он был строен и грациозен, но матовое смуглое лицо его было совершенно бесстрастно, темные глаза потаенно блестели из-под узких бровей. Насколько соотечественники Кассио любили бурно выражать свои чувства, настолько же кочевники-каджасы были сдержанны в выражении эмоций. Словно не человек, а каменная статуя вошла в комнату и уселась напротив монаха, скромно потупив взгляд.

Чтобы его разговорить, Кассио задал ему несколько во-

просов о торговых делах, на которые Джанни отвечал быстро и толково. Да, он помогает отцу в делах. Да, вчера он все утро провел в лавке, слуги могут это подтвердить. Да, иногда у его отца с мессиром Аваро были... разногласия.

Юноша занервничал. Тонкие смуглые пальцы нервно разглаживали вышивку на скатерти. Вышивка бисером, вспомнил Кассио, – традиционное искусство каджасов. Скатерть была очень изысканной. Плавные линии разных цветов переплетались, образуя гармоничные сочетания. Ткань кое-где обтрепалась, но было видно, что ее берегли. Стелили не каждый день. Не удивительно, такая работа должна была занять несколько месяцев, а то и лет.

– Очень красиво! – искренне восхитился Кассио. – Чья это работа?

Этот невинный вопрос почему-то привел юношу в смущение:

– Это... это мамино, – ответил он, вспыхнув.

«Надеюсь, я не оскорбил его своим вопросом!» – с запоздалым сожалением подумал монах. Так легко можно попасть впросак, не зная чужих обычаев!

– В последнее время отец с Аваро больше не ссорились, – горячо сказал Джанни. – Мессир Аваро увлекся новой затеей: они вместе с синьором Контуччи собирались снарядить торговый корабль. Джакомо Контуччи – бывший моряк.

– Это интересно, – оживился Кассио. – Когда корабль должен был отплыть? И куда?

– Увы, мне это неизвестно, – юноша снова опустил взгляд, так что тень от густых ресниц полукружьями легла на щеки. – Об этом лучше спросить у синьора Контуччи. Я знаю только, что корабль называется "Крылатый змей".

В передней послышался шум, и в комнату стремительно вошла женщина – невысокая, темноволосая, в скромном платье без всяких украшений. Лицо ее, заметил Кассио, было бледным и изможденным на вид, глаза лихорадочно блестя. Юноша при ее появлении сразу поднялся:

– Донна Нерисса Зервас, – представил он ее.

– А вы, должно быть, тот монах, у которого есть дело к моему мужу, – с ходу заявила женщина.

– Я уже узнал все, что хотел, у вашего сына, синьора, – улыбнулся Кассио. – Как чудесно, должно быть, иметь такого помощника в делах!

Он хотел лишь ободрить ее. Донна Нерисса казалась совершенно больной, и ему стало ее жаль. Но в ответ на его слова она побледнела еще больше. Кассио счел за лучшее поскорее распрощаться. От семьи Зервас у него осталось странное, противоречивое впечатление. Ему были симпатичны оба, мать и сын, и вместе с тем чувствовалось в их доме какое-то мучительное напряжение, ежеминутно готовое взорваться.

А еще его очень заинтересовал коричневый мужской плащ, висевший в передней.

Виттория Анъезе, патрицианка. Утром я была в церкви, но моя служанка видела посетителя, заходившего к Аваро, когда брала воду в колодце. Это был высокий, крепкий мужчина в темном плаще. Полагаю, он был хорош собой, раз она не смогла даже запомнить цвет его плаща. Впрочем, об этом вам лучше расспросить ее саму.

Оливьеро дела Костра, золотых дел мастер. Да, это я его нашел. Ужасное зрелище! Нет, я не видел, чтобы туда кто-то входил. Лавка вообще была закрыта! Часом раньше я заходил к Аваро, чтобы забрать заказанные инструменты, и наткнулся на запертую дверь. У некоторых людей очень странная манера вести дела! Я так и сказал синьоре Порчелли, когда встретил ее на площади. Нет, она была одна.

Мария Контарини, патрицианка. Я всегда считала, что с Джанни что-то не в порядке. Слишком он тих и послушен. Когда мужчина так хорош, где-то должна быть червоточина. Кроме того, он каджасец, а эти южане все странные.

За месяц до дня святого Фортунатоса

Карло Аваро нашел приора в скриптории, где тот проверял работу переписчиков и любовался чудесными миниатюрами, нарисованными братом Иеронимом. Скрипторий был предметом особой гордости Северина, который немало способствовал его процветанию, привлекая в обитель монахов,

искусных рисовании и письме. И теперь приор не мог удержаться от того, чтобы похвастать перед торговцем, демонстрируя ему свежую копию «Книги тайн Ладзаро Великого» и Псалтирь с великолепно исполненными буквицами, сверкающими яркими красками.

Мессир Аваро послушно смотрел, ахал и восхищался:

– Поистине, – воскликнул он, – здешняя библиотека – это ковчег знаний, плывущий по волнам времени!

– Кстати, – спохватился приор, – перевод той благочестивой поэмы, который вы заказывали, уже готов.

Он сделал знак одному из братьев, и тот принес небольшой, аккуратно переплетенный томик.

– Чудесно, я так мечтал ее получить! – расцвел Аваро, но радость сразу же увяла на его лице. – К сожалению, должен признаться, что не располагаю сейчас нужными средствами, увы...

– Мы будем рады преподнести вам подарок, – улыбнулся приор. Глаза его странно блеснули. – Я знаю, что вы любитель хороших книг.

– О, это слишком! Вы слишком великодушны... Разумеется, я отдам вам долг через некоторое время. Нет-нет, не возражайте, пожалуйста, иначе я откажусь.

Приор, не переставая улыбаться, потихоньку продвигался к дверям, поневоле увлекая за собой Аваро, смущенного и преисполненного благодарности. Тот продолжал болтать на ходу, крепко сжимая в руках обретенную книгу:

– Кстати, о благочестии. Не далее как вчера мессир Кривелли выразил беспокойство, что среди нашей паствы затесались три черные овцы. Трое язычников! Я был возмущен. Как он мог усомниться в действиях аббата Беллини, столь твердо стоящего в Истине, что нам всем нечего и надеяться когда-нибудь достигнуть такого совершенства! Я заявил ему, что крещение наверняка состоится в положенное время, и мессир Кривелли незачем совать свой длинный нос в эти дела. Да, так я ему и сказал. Кстати, как себя чувствует Паулино?

– Благодарю вас, вполне здоров, – ответил приор, вежливо выпроваживая настырного гостя за каменную арку. Но когда ворота обители, наконец, закрылись за Аваро, приторная улыбка на лице Северина растаяла, а брови озабоченно сдвинулись. «С этим нужно что-то делать», – подумал он.

Бенвенуто Гварньери, горожанин. Джанни? Слишком уж он робок, на мой взгляд. Неделю назад я видел их с этим молодым послушником, Паоло: Джанни чуть не плакал, а Паоло его утешал. Ну, что обычно говорят в таких случаях: «Потерпи, скоро все образуется». Да, сегодня только и слышно, что о пророческом даре Паоло! Если бы он мне обещал, что все образуется, я спокойно улегся бы спать, ни на миг не сомневаясь в благополучном исходе своих дел!

«Лучше бы Паоло не бросался такими обещаниями», – мрачно подумал Кассио.

Встреча с Джанни Зервасом навела Кассио на некоторые мысли. Название корабля – «Крылатый змей» – напомнило ему о пророчестве. «Как станет прахом ложная личина...». Что если речь шла вовсе не о зеркале? Заметив уютно освещенное окно таверны на виа Граччия, Кассио решительно направился туда. Что ему действительно нужно – найти доброго собеседника, который знал бы в городе всех и каждого, и был бы не прочь поговорить по душам. Кассио хотел расспросить об Аваро. Пока что у него сложилось впечатление, что торговец был добродушным человеком, не лишенным тщеславия, но пользующимся уважением и любовью горожан. Судя по всему, он был нерасчетлив, однако крайне щепетильно относился к своим долгам. Но что если первое впечатление было ошибочным?

В трактире было тесно, дымно и душно. Стоило Кассио переступить порог, как его чуть не сбил с ног поток отборной матросской ругани, адресованной, впрочем, не ему, а трактирщику. Можно сказать, Кассио повезло. Он все равно собирался разыскать Джакомо Контуччи, а тот оказался завсегдаем этой таверны. Бывший моряк презрительно зыркнул на подошедшего монаха, но кувшин с местным вином, который Кассио предусмотрительно заказал, несколько усмирил его нрав.

Контуччи был уже стар, однако крепок и проворен, как юноша. Одет он был довольно неряшливо: дублет хорош, но

изрядно потерт, воротник рубашки грязен, сальные пряди волос падали на шею. На смуглом лице остро блестели светлые, словно выгоревшие глаза.

– Не люблю монахов, – с вызовом заявил Контуччи, – особенно ваши монастыри. Когда я плывал с капитаном Арсаго, то стоило нам высадиться на берег, как хитрые монахи запирались в башне, где у них были еда и питье, пели псалмы и сидели там, довольные. А когда мы подходили ближе, чтобы потолковать с ними и убедить их поделиться дукатами, нам на головы сыпались проклятья, камни и дерьмо! Что тут поделаешь? Все мы тогда соглашались, что нет на свете ничего досаднее, чем монастыри!

«Видно, бурная молодость была у этого вздорного старика!» – подумал Кассио. Капитан Арсаго был «рыцарем абордажного топора», широко известным в Лигийских морях и, к общей радости, уже десять лет как покойным. Контуччи словно нарочно старался задеть монаха, но Кассио его манеры скорее забавляли.

Когда терпкая жидкость перекочевала из кувшина в кружку старика, а оттуда – в его бездонную глотку, он слегка полюбел, и язык его развязался.

– Дружбы между ними никогда не водилось, это точно! – хмыкнул он в ответ на вопрос о Зервасе и Аваро. – Однажды Томазо обставил Карло Аваро в сделке с сукном из Фельсины. Кроме того, – подмигнул Джакомо, – каджасам их бог запрещает давать деньги в рост, ну а Аваро ничего не меша-

ло обдирать должников, как липку. Великодушные Томазо его бесило.

– Я слышал, вы предложили Аваро выгодное дело?

– Не я, а мой сын Альдо, – проворчал старик. – Он служит помощником капитана на «Крылатом змее». Синьор Аваро однажды встретил в Венетте нашего патроно, хозяина судна. Тогда и родилась эта идея.

– Снарядить корабль – нешуточное дело. Могут возникнуть разные споры...

– На что это вы намекаете, отец?! Если вы считаете, что Альдо мог прикончить этого проходимца – выбросьте из головы! Да его вообще вчера не было в городе, он уехал накануне! И до сих пор не вернулся!

Бывший флибустьер насупился, как грозовая туча, того и гляди – плюнет молнией.

– Ну, а вы сами? Где были вчера утром?

– Не помню! – буркнул Джакомо. – Спал, должно быть. Позавчера вечером был тут, Пьетро подтвердит (трактирщик, прислушивающийся к разговору, закивал головой). Что было потом – не помню! Но Альдо оставьте в покое! Мой сын – честный человек! А ваш синьор Аваро и так слишком долго ходил неубитым. Пораскиньте мозгами – и вы поймете, сколько человек мечтало отправить его на тот свет!

Бассо, городской попрошайка. Старик Контуччи? На кой черт ему убивать Аваро, если этот их корабль мог при-

нести Альдо кучу денег?! А теперь без купца все развалится! Да он воскресил бы Аваро, если б смог!

***Луиза Порчелли, купеческая вдова.** Ох, уж эти несносные мальчишки, Альдо с Джанни! Я видела их накануне возле рынка. Они шептались в переулке, и лица у обоих были такие, словно они готовы были схватиться за ножи. Неудивительно, что все закончилось убийством. Я скорее удивляюсь, что убийства не случаются у нас каждый вечер!*

***Тереза Чеккони, пожилая горожанка.** Альдо и Джанни? Двое блудодеев, чума на их бесстыжие головы! Да, я видела их... постойте... за неделю до базарного дня. Что? Нет, они вовсе не ссорились, с чего вы взяли? Они обнимались.*

За две недели до дня святого Фортунатоса

Узнав о визите мессира Аваро, Луиза распорядилась проводить его в малую гостиную. Там было темновато, зато она чувствовала себя более уверенно в комнате, где одна стена целиком была увешана портретами Порчелли, словно весь клан стоял за ее спиной. Взглянув напоследок в зеркало, Луиза нервно разгладила складки нового платья цвета корицы – как раз тот неброский оттенок, который приличествует ее положению. Сердце ее колотилось. Ах, разве люди могут понять, как непросто вдове одной вести хозяйство, где уж тут уследить за взрослой дочерью! Скорее бы приехал синьор Кавалетти, и состоялась свадьба! Луиза ждала ее так, будто сама была счастливой новобрачной.

После обычных взаимных приветствий Аваро перешел к делу:

– Мне удалось договориться о продаже вашего зерна и масла, так что здесь все в порядке.

В наследство от мужа Луизе остались городской дом и небольшое поместье с виноградником в Квирико, и мессир Аваро иногда помогал ей в делах.

– Увы, наша сделка с Бенцио сорвалась, этот мошенник нашел другого покупателя. Но ничего, есть еще варианты. Я помню, вы передали мне задаток в двадцать дукатов...

– Оставьте их у себя, так будет удобнее, – поспешно сказала вдова, хотя лицо ее на миг исказилось. – Я очень ценю вашу помощь, мессир Аваро.

Купец продолжал, понизив голос:

– Что касается того письма... ну, вы помните... которое якобы получил синьор Маноле... можете забыть о нем. Дело улажено и забыто.

– Ваши услуги поистине неоценимы, – сказала Луиза, улыбаясь так, что у нее свело скулы.

Когда гость удалился, донна Порчелли еще долго смотрела ему вслед, нервно сминая складки нового платья. На ее лице горела вдохновенная, ослепительная ненависть.

Оливьеро делла Костра, золотых дел мастер. Ну, некоторые долги Аваро все же возвращал, пусть частями и не сразу. Надо отдать ему должное. Хотя бы это он делал.

Луиза Порчелли, купеческая вдова. В тот день после мессы мы с Терезой зашли к горшечнику. Пока она торговалась, я вдруг заметила, как какой-то человек выскользнул из лавки Аваро! Не уверена, но похож на мужчину. Нет, он был невысок и полноват. Потом я встретила кое-кого из знакомых и позабыла об этом.

Виттория Аньезе, патрицианка. Господь с вами, нашли, кому верить! У Луизы в голове один только звон свадебных колоколов. Ее дочь, Джулия, через месяц выходит замуж за синьора Кавалетти, миниатюрщика из Фельсины. Если хотите знать, девчонке давно пора. На последнем приеме в Ратуше просто совестно было смотреть, как она скалила зубы этому потаскуну синьору Маноле. Кое-кто даже болтал, что одними улыбками у них дело не ограничилось, но я сплетничеством не занимаюсь, так что не знаю.

Джакомо Контуччи, бывший моряк. В одном только Паоло ошибся. Какой же он змей? Скорее паук.

Кассио не мог отделаться от мысли, что упустил что-то важное. Был в словах одного из свидетелей какой-то туманный намек, который мог бы пролить свет на это дело. Добросовестно переписав на восковую дощечку все полученные сведения, Кассио рано утром отправился на площадь, чтобы сличить их друг с другом. На площади он неожиданно встретил Нериссу, которая брала воду в колодце. Донна Зервас была вовсе не рада его видеть, но даже захоти она сбежать

от него, у нее бы ничего не вышло – полное ведро было для нее слишком тяжелым.

– Давайте-ка его сюда, – добродушно сказал Кассио. Он знал, что служанка ушла от Зервасов вчера. В Пичено такие слухи расходятся быстро.

Нерисса молча пошла рядом. Кассио ее не торопил. Он по опыту знал, когда человека следует подтолкнуть к откровенности, а когда лучше предоставить самому себе. Терпения Нериссы хватило на два квартала:

– Послушайте, оставьте в покое моего мужа, – выпалила она наконец. – Ему в последнее время и так нелегко пришлось. В то утро он даже близко не подходил к лавке Аваро, уж я-то знаю! Он пришел на площадь, чтобы поговорить с синьором Пезаро о поставках соли, а до этого имел долгую беседу с синьором Беноццо, конюшим мессира Умберто из Фельсины.

Кассио кивнул. Те же сведения он получил вчера от Антонио. Проблема в том, что синьор Беноццо, который был в Пичено лишь проездом, уже уехал к своему хозяину, и вряд ли мессир Кривелли согласится подождать, пока его разыщут. Кассио почти чувствовал, как вокруг Зервасов ширилось отчуждение. Люди шептались, что Господь нарочно послал видение Паоло, чтобы предостеречь их от язычников. Город затих, затаился в ожидании бури.

– Некоторые свидетели рано утром видели мужчину, входившего в лавку Аваро. Высокого, крепкого мужчину в

длинном плаще.

– Это был не Томас!

– А кто?

– Я... я не уверена. Я тоже его видела, но... я вообще плохо вижу. Еще с детства. Однажды наш фургон попал в грозу, лошади понесли, я упала и ударилась о сундук. Говорили, что я два дня была без сознания. Потом все прошло, но зрение ко мне не вернулось.

– Сочувствую вам, – искренне сказал Кассио. Рассказ Нериссы его озадачил.

Кассио возвращался в обитель после очередной беседы с Антонио до Сандро, когда на дороге его догнал какой-то человек. Это был весьма энергичный юноша с гордо посаженной головой и крупными чертами лица. От его облика веяло решительностью и силой.

– Мое имя – Альдо Контуччи! Я только что приехал – и вдруг узнаю, что моего отца подозревают в убийстве! Да это просто нелепо!

– Не только его, – миролюбиво ответил Кассио. – Хотя, должен заметить, синьор Контуччи весьма резко отзывался о мессире Аваро, и у него необычайно избирательная память.

– Послушайте, – взмолился юноша, – старик просто пытался меня выгородить! Это я заходил тем утром к Аваро. Теперь-то, наверное, можно рассказать. Все равно наша затея пошла псу под хвост. Наш патроно снаряжал «Крылатый

змея» в Занклу и Акко. На самом деле мы с капитаном Руффо хотели плыть дальше, в страну Кеми, и Аваро нас горячо поддерживал. В то утро мы встретились с подрядчиком в одном трактире на окраине, чтобы еще раз все обсудить. Потом я сразу уехал. Клянусь всеми святыми, что после нашей встречи мессир Аваро был жив и здоров!

– Но, позвольте...

– Да, знаю, торговля с Кеми запрещена высочайшим указом! Зато таких специй, красок, таких диковин нигде больше не сыщешь! Мы вернулись бы богачами!

– Но и риск велик, – вкрадчиво заметил Кассио. – Из-за этого вы поссорились с Джанни?

Молодой моряк, вспыхнув, отвернулся.

– Да, давайте лучше поговорим о Джанни, – продолжал Кассио, едва сдерживая бешенство. – Грех лежит на вас обоих, но вы-то старше на десять лет! Вы соображаете, что творите?! К чему это приведет? Или уже привело?!

– Мы собирались уехать из города, – выдавил Альдо, упрямо глядя в сторону. – Все равно их не оставили бы в покое.

– В смысле, уехать вдвоем? С вашим любовником? – хлестко спросил Кассио. Юноша поднял на него тяжелый взгляд:

– Нет. С моей женой.

Повисло молчание.

– Ах, вот оно что, – не сразу ответил Кассио. – Понятно. Слова Альдо настолько сбили его с толку, что Росси не

сразу собрался с мыслями. Зато теперь многие нестыковки, не дававшие ему покоя, получили внятное объяснение. Ну конечно! Как он сразу не догадался?! У каджасов есть обычай, что если в семье не было сыновей, старшая дочь могла принять обет «танара». Тогда ей разрешалось носить мужскую одежду, заниматься мужской работой, и все соплеменники относились к ней, как к мужчине. Согласия девушки обычно никто не спрашивал. Кассио искренне пожалел Джанни, которой пришлось разрываться между долгом перед семьей и любимым человеком. Теперь понятно, почему Зервас, как мог, оттягивал крещение. Как бы он признался на исповеди, что его сын – на самом деле дочь?! Даже если городское общество приняло бы девушку – тут Кассио даже поморщился, представив, сколько шуму наделало бы это известие, – все равно Зервас лишился бы единственного помощника в делах.

Этот вечер он снова провел в монастырском саду. Кассио снова и снова перечитывал показания свидетелей, слышал их между собой, сопоставлял со списком, найденным в приходно-расходной книге. Сомнение нашептывало ему, что все его усилия напрасны. Слишком много людей было в тот день на базарной площади, и слишком широко мессир Аваро раскинул свою сеть. Образ добродушного купца-патриарха в сознании Кассио давно развеялся без следа. Как оказалось, Аваро просто обожал выведывать мелкие грешки сосе-

дей и использовать их в своих интересах. В списке было пятнадцать человек, правда, большинство из них имели алиби. А больше всех Аваро ненавидел Зерваса. Угрожая раскрыть тайну его дочери, он приуждал Томазо уступать ему самые выгодные сделки. О, у Зерваса была веская причина желать Аваро смерти! Кассио прекрасно его понимал и даже сочувствовал ему. У Зерваса был мотив, но была ли возможность? Когда обнаружили тело, он беседовал с синьором Пезаро. И если Альдо не лжет, то до десятого часа Аваро был еще жив. Ранее утром Альдо увел Аваро на встречу, трактирщик из "Бычьего хвоста" хорошо запомнил их обоих. Днем моряка на площади никто не видел. А Оливьеро делла Костра? Человек, обнаруживший труп, подозрителен уже сам по себе, но синьора Оливьеро не было в списке. Кассио сделал еще один круг по саду. В конце концов, ценой усиленных размышлений ему удалось сократить число подозреваемых до трех человек.

«Нужно срочно что-то предпринять, пока все не вышло из-под контроля», – думал он. Город бурлит слухами, и если они не найдут виновного, судья Кривелли его назначит.

И он решился. Написал письмо, попросив слугу отнести его в дом Аньезе. Виттория Аньези олицетворяла собой общественное мнение Пичено, ее слово имело в городе большой вес. Вскоре ему принесли ответ. Донна Виттория извещала, что сможет принять его завтра после обеда.

Войдя в элегантную гостиную синьоры Аньезе, Кассио на миг оторопел. Он-то рассчитывал поговорить наедине, а комната была полна народу! Здесь была и Луиза Порчелли в кокетливом коричневом платье, и смешливая, добродушная Мария Контарини, и чопорная Тереза Чеккони с брюзгливым выражением лица и молитвенником на коленях. Здесь была даже Нерисса Зервас! Бледная, больше похожая на тень, чем на живого человека. Интересно, каким чудом Виттории удалось завлечь сюда эту затворницу?

Донна Виттория радушно пригласила всех к столу, где как раз подали вино и великолепный кастаньяччо с пиноли и изюмом. Кассио сидел напротив хозяйки, но от волнения не мог проглотить не кусочка. Что она задумала? Он пришел, надеясь на откровенную беседу. С их первой встречи Виттория показалась ему умной, наблюдательной женщиной, не чуждой иронии. Теперь он убедился, что она действительно умна. И непроницаема, как сфинкс.

– В письме вы сообщили о некоторых затруднениях, которые возникли в деле мессира Аваро, – сказала Виттория. – Вы также упомянули, что нуждаетесь в совете. Признаться, я польщена, – ее губы сложились в тонкую улыбку, но глаза остались холодными.

Эта женщина вела собственную игру, и Кассио не был уверен, на чьей она стороне. В любом случае сейчас был его ход. Он молча вытащил из кармана улику, которую все время носил при себе, аккуратно завернутой в лоскут ткани. Выложил

на белую кружевную скатерть пучок спутанных коричневых нитей. Присутствующие здесь синьоры с любопытством наклонились ближе. Кто-то приглушенно ахнул, кто-то зашептал что-то на ухо соседке... Кассио ловил каждый вздох. Потом он заговорил:

– Даже я, человек не искушенный в суконном деле, тем более в шитье и вышивке, могу отличить грубые волокна льна от тонкого шелка. Полагаю, что с вашей помощью я мог бы...

– Довольно! – одна из женщин, присутствовавших в комнате, вдруг вскочила. – Прекратите это! В то утро в лавке Аваро была я.

Кассио поднял голову. Перед ним стояла Нерисса Зервас. Она стиснула пальцы рук, будто пытаюсь подавить нервное возбуждение:

– Он угрожал моей дочери! – изможденное лицо донны Нериссы вдруг словно осветилось, исполнившись невиданной силы. – Я пришла к нему, выбрав момент, когда в лавке он был один. Принялась упрашивать его, чтобы он оставил Томаса в покое. Наши дела и так хуже некуда! Аваро только посмеялся. Он даже не обернулся ко мне, занятый своим проклятым зеркалом. У меня под плащом была веревка. Захлестнуть узел, отойти в сторону и дернуть – дело одной минуты. Мне повезло, что никто не вошел в тот момент. Но если бы даже вошел... – Нерисса, задохнувшись, умолкла.

– Довольно, – произнесла донна Виттория. – Сядьте, моя дорогая, выпейте воды. У вас слишком богатое воображение.

Нас всех слишком потрясла эта история. Неудивительно, что вам мерещатся всякие ужасы, – и она добавила, обернувшись к Кассио и глядя ему прямо в глаза: – Лично я в тот день вообще не видела Нериссу на площади.

– Я тоже, – отозвалась Луиза Порчелли. – Господи, да все знают, что Нерисса почти не выходит из дома!

– И я, – помедлив, добавила синьора Чеккони. – Хотя я была на площади как раз тогда, когда все случилось.

– Мы вместе там были, – подхватила Мария Контарини. – И ничего не видели.

Нерисса всхлипывала, закрыв лицо руками. Четыре женщины смотрели на монаха, а он не отводил глаз от лица Виттории Аньезе. Наконец, он улыбнулся.

– Благодарю вас, синьоры. Именно это я и хотел услышать.

Когда Кассио вышел на крыльцо дома Аньези, в первый раз за последние несколько дней он почувствовал, что с души у него словно камень свалился. Об одном он жалел: что не успел толком попробовать кастаньяччо. Пирог пахнул просто умопомрачительно! Но у Кассио были дела поважнее.

– Значит, несчастный случай? – обрадованно спросил Северин.

– Мы с Антонио внимательнейшим образом изучили показания свидетелей и пришли к выводу, что случившееся с Аваро было трагической случайностью.

Кассио с приором сидели в скриптории, залитом веселым

солнечным светом. Сотни книг покойно дремали на полках, и мир был полон умиротворения.

– Незадолго до трагедии Аваро заглянул в трактир «Бычий хвост», так что был не вполне трезв, когда полез на ту злосчастную стремянку. Вероятно, из-за этого он не заметил, что одно крепление слегка расшаталось. В результате лестница сломалась, мессир Аваро упал и ударился затылком об угол сундука, стоявшего поблизости.

– Да упокоит Господь его душу, – кивнул приор, блеснув глазами. – Я рад, что это дело наконец разрешилось.

Наутро, после мессы Кассио с молодым послушником отправились в путь.

Когда они отъехали довольно далеко от аббатства, Паоло не выдержал:

– Это все я виноват, – сказал он с таким выражением, словно в омут бросился. – Я знал про Джанни Зервас, и сказал это нарочно!

– Откуда ты знал? – спокойно спросил Кассио, слегка придержав своего мула.

Паоло молча посмотрел на него, и Кассио спохватился, что сморозил глупость. Действительно, глупо спрашивать у провидца, откуда ему известны такие интимные подробности! Только сейчас ему пришло в голову, как тяжело и мучительно было мальчику ежедневно общаться с людьми, которых он, сам того не желая, видел насквозь. Видеть все мерзо-

сти человеческие – и не ожесточиться. Правду говорят, что многие знания – многие печали...

– Так что же, пророчества не было? Ты солгал? – сурово спросил Кассио.

– Что вы! Я бы не осмелился! Но мой сон не грозил смертью Аваро, только разорением. Во сне я видел внутренность его лавки, то знаменитое зеркало... Вдруг оно пошло трещинами – и стены лавки рассыпались в прах, а вдали показался корабль, тающий в небесной синеве. Я должен был рассказать все как есть, а я... мне было жаль Джанни, и я постарался намекнуть мессиру Аваро, чтобы он оставил ее в покое. Я знал, что он почти все деньги вложил в снаряжение «Крылатого змея», даже те, что занял у соседей. Мне хотелось помочь Зервасам, а вышло так, что я невольно подтолкнул донну Нериссу совершить... это. Я недостойн называться прорицателем, – прошептал Паоло, опустив голову.

– Ничто не может принудить к чему-либо свободную человеческую волю, – назидательно произнес Кассио. Он думал о сгинувшем алчном торговце, о Джанни, сбросившей маску, о том, что пророчество так или иначе сбылось, и о том, что пути Господни неисповедимы. А для Паоло это будет хорошим уроком.

– Наверное, после всего этого кардинал не захочет меня видеть? – робко спросил мальчик.

Двигаясь по тропе, они незаметно поднялись на гребень холма. Отсюда открывался чудесный вид на долину. Зеле-

нели луга, кое-где размеченные темными штрихами кипарисов. Светлыми пятнами выделялись оливковые рощи. Позади остались светло-кремовые здания Пичено, окруженные черепичными крышами предместий. Город покоился на зеленой ладони долины, словно перламутровая раковина, нежно светясь в лучах утреннего солнца. Где-то в вышине звенела невидимая птица, от цветущих кустов акации исходил густой сладкий аромат. Кассио с облегчением вздохнул полной грудью. Долина Орчия весной была поистине прекрасна. Но он уже начал скучать по Эттуро с его шумом и запахами, с его улочками-ущельями, настолько тесными, что соседи в домах напротив вынуждены были открывать ставни по очереди, и просторной площадью в форме раковины, над которой каменной стрелой возвышалась грациозная Торре-дель-Сунто.

– Так что вы думаете? – тревожно повторил мальчик.

Кассио, наклонившись, добродушно похлопал его по плечу.

– Я думаю, тебе понравится Эттуро, – сказал он.

Кто стащил шляпку?

– Ну, скажите на милость, с чего бы такой здоровенной тетке вдруг помереть от инфлюэнцы! А куда девалась ее новая соломенная шляпа, что должна была достаться мне?? Сперли! Вот я и говорю: кто шляпу спер, тот и тетку пришил!

Бернард Шоу «Пигмалион»

Жизнь на Плюшечной улице всегда отличалась завидной размеренностью и спокойствием. Но в это утро привычный порядок был неожиданно нарушен. Выглянув в окна, любопытные плюшкинцы могли увидеть возле шляпной лавки мадам Розы полицейского, строчащего в блокноте, причитающую хозяйку и трех девушек-работниц, скромно стоявших поодаль.

Осквернённая дверь шляпной лавки жалобно поскрипывала.

– Украли! Самая новая модель! Две недели работы! – жалобы мадам Розы были слышны даже на другом конце улицы, впрочем, не слишком длинной.

– Кроме одной шляпки, из лавки больше ничего не пропало? – осведомился полицейский.

– А Птичка-то наша как расстроится! Она с этой шляпкой, как с дитём родным, носилась! Сама фасон придумала, сама

кроила...

– Могу я поговорить с ней, мадам?

– Нету её, не приходила ещё, – сказала одна из работниц, Мари. Её обычно весёлое смуглое лицо сейчас было хмурым и озабоченным.

– Так она, бедняжка, поди, ещё в себя не пришла после вчерашнего-то, – жалостно сказала Роза. – Шутка ли, человека подстрелили!

Полицейский в первый раз заинтересованно поднял голову от блокнота.

– Минутку, мадам. Кто кого подстрелил? Эта ваша Птичка?

– Господь с вами, – перекрестилась мадам Роза. – Придумаете тоже! Тут вчера такие страсти творились, мне Жак, булочник наш, сейчас рассказал!

Её речь полилась бурным потоком:

– Вчера Жак только собрался пекарню закрывать, а в нашей лавке свет ещё горел, сейчас много заказов, вот Птичка часто днюет и ночует на работе, вдруг слышит – бах! Стрельба прямо перед нашим крыльцом! А Птичка выскочила – и чуть не в обморок, а раненый – месье Балло, он рядом тут живёт, уж такой хороший господин, весёлый, обходительный, девушкам моим всегда то цветы, то конфеты принесёт! Где ж такое видано, палить в человека средь бела дня!

Полицейский, месье Лемер, был умным человеком. Он не стал прерывать госпожу шляпницу, тем более что вряд ли

нашлось бы средство, чтобы усмирить этот фонтан красноречия. Он подождал, пока она вынужденно замолчит, чтобы набрать в грудь воздуха, и спокойно попросил:

– Мадам, давайте ещё раз, с самого начала.

(за две недели до происшествия)

Двое человек сидели за столиком в маленьком уличном кафе недалеко от церкви Святой Геновефы. Был конец марта, но улицы Лютеции уже готовы были встретить весну: на мокрых клумбах храбро расцвели примулы и нарциссы, витрины магазинов украсились новыми цветными тентами, рестораны вынесли столики наружу, и белые скатерти на них хлопали от порывов ветра, как крылья.

Один из мужчин, месье Гошен, был лет сорока на вид, невысокого роста, полноватый и краснолицый. Когда-то он работал шофёром и до сих пор с гордостью носил полосатое кепи и значок Братства паровых механиков. Пусть в последние годы ему чаще приходилось иметь дело с сейфовыми механизмами, но сердце его было отдано моторам. Как у многих толстяков, лицо месье Гошена имело добродушное, располагающее к себе выражение. Вот его приятеля вряд ли кто назвал бы приятным человеком. Длинный, бледный и угрюмый, месье Бошан был столь же открыт и дружелюбен, как наглухо замурованная дверь. Он кутался в тёплое пальто и еле-еле цедил ответные реплики на болтовню своего приятеля. Тем не менее, эти двое прекрасно ладили друг с дру-

гом, возможно, согласно принципу притяжения противоположностей.

Сейчас, сидя в кафе, они поджидали третьего компаньона, и тот не замедлил явиться. К столику подошел высокий, крепко сложенный молодой человек с симпатичным смышлёным лицом и пышными каштановыми волосами. Звали его Жан Балло. Он приобнял приятелей за плечи и сказал вполголоса:

– Господа, я только что от патрона. Наш час пробил – Эспера уже в Лютеции!

Его сообщение произвело нужный эффект. Бошан выпрямился, Гошен важно приосанился и разгладил ладонью усы.

– Шампанского! – Балло сделал знак официанту. – За успех нашего предприятия!

Пока эти господа поднимают бокалы, у нас есть время разъяснить некоторые неясности в словах месье Балло. «Эспера» – это не прибывшее в Лютецию судно, и не какая-то загадочная дама. «Эспера» – это голубой бриллиант, кроме поразительной красоты знаменитый также своей кровожадностью: он успел уничтожить пятерых прежних хозяев и даже устроил парочку локальных апокалипсисов вроде революции или эпидемии чумы. Должно быть, теперь, когда зловещий камень упокоился наконец в сейфе барона Маншота, многие вздохнули с облегчением. Маншот был большим любителем всяких редкостей. А голубой бриллиант размером с перепелиное яйцо – это, согласитесь, редкость.

Однако в Лютеции, кроме Маншота, имелись и другие поклонники уникальных драгоценностей. Некоторое время назад «Эсперой» заинтересовался ещё один господин, которого наши приятели между собой называли просто «патрон». К сожалению, упрямый барон ни за что не соглашался продать камень, и это подвигло патрона на более решительные действия.

– Говорят, каждого, кто коснётся проклятого бриллианта, ждёт скорая смерть, – оптимистично заметил длиннолицый Бошан.

– Вот это да, Мост меня побери! – присвистнул Гошен, выразив эмоции с помощью любимой присказки.

Знаменитый Мост Аффеля, или просто Мост, построенный к Всемирной выставке 18** года, можно было увидеть даже отсюда. Он изгибался над каналом Сен-Мартен, как некая монструозная гусеница, ощетинившись сотнями стальных балок. Мост несомненно являлся доказательством инженерного гения его создателя, однако его эстетическая ценность была, мягко говоря, спорной. Гошен безудержно им восхищался и так часто поминал Мост в разговоре, будто сам лично помогал его строить. Прагматичный Бошан как-то предложил идею подделать документы и загнать Мост где-нибудь в провинции на металлолом: мол, ни один нормальный человек не усомнится в желании муниципалитета Лютеции демонтировать этот архитектурный кошмар. В тот раз они с Гошеном чуть не подрались, Жану стоило большого

труда успокоить приятелей. С тех пор Бошан остерегался подобных шуток.

– Я слышал, барон Маншот хранит «Эсперу» в специальном футляре и вынимает его оттуда только пинцетом, остерегаясь проклятья, – усмехнулся Балло. – Футляр находится в сейфе, сейф в спальне, спальня – на втором этаже баронского дома, ну а где стоит особняк Маншота – знает вся Лютеция... Однако мы туда не полезем.

– Ты, никак, надеешься, что барон сам вынесет тебе камень на ладошке? – рассмеялся Гошен.

– Соваться в дом слишком рискованно. Маншот, как только привёз камень, увеличил охрану и завёл сторожевых псов. Да и сейф приобрёл посерьёзнее, нам с таким не сладить. Тут надо действовать тонко...

– Знаем мы твои тонкости! – хохотнул Бошан. – Как говорится, шерше ля фам! – он намекнул на популярность их молодого приятеля у женщин, ставшую уже притчей во языцех. Балло досадливо поморщился.

– Так вы берётесь за это дело или я справлюсь один? – спросил он, потеряв терпение.

– Не много ли ты на себя берешь? – буркнул Гошен, обиженный, что Балло поставил под сомнение его талант механика.

– А что, мне нравится эта идея, – неожиданно согласился Бошан. – Разделимся. Пусть Балло действует, как хочет. Мы же попробуем свой способ.

– Кто первый? – Гошен прищурился. – Бросим жребий?

– Готов уступить первый ход вам, – щедро предложил Балло, хоть упрямство компаньонов его и огорчило. – Даю вам неделю, господа. Дальше в игру вступаю я.

Он поднялся и ушёл. Двое приятелей остались сидеть за столом.

– Балло слишком молод и горяч для таких дел, – примирительно сказал Гошен. – Ничего, мы и без него справимся. Организуем с тобой на двоих этот... как его... на букву «с» начинается, вроде коммерческого партнёрства... – мучительно пытался он припомнить.

– Сундукат, – произнёс начитанный Бошан.

– Ага, его. Держись тогда, Балло!

– Всё же за ним следует приглядеть... – задумчиво сказал Бошан.

– Это точно. Для его же блага, – согласился Гошен.

(за неделю до происшествия)

Ранним утром Жан Балло в расчудесном настроении вышел из своей квартирки, вдохнул свежий весенний воздух, сдобренный ароматом свежих булочек из пекарни напротив, и даже зажмурился от удовольствия. Ему нравился этот район, нравился патриархальный уют Плюшечной улицы, добропорядочные соседи, которые при встрече непременно здоровались и желали хорошего дня. С другой стороны, человек, знакомый со сложной географией местных двори́ков,

мог за несколько минут покинуть спокойный райончик и оказаться на широченном бульваре Художников с его сверкающими витринами, нарядными толпами, пыхтящими omnibusами и заманчивыми вывесками, из которых особенно выделялся «Рыжий кот» – самое знаменитое кабаре Лютеции.

Насвистывая, молодой человек весело зашагал вниз по Плющечной улице. Денек сегодня был необычайно хорош. Было звонко и солнечно, голые деревья казались нарисованными тушью на синем небе. Балло так увлёкся, что не заметил две крайне заинтересованные физиономии, следившие за ним из-за угла.

Он купил букетик фиалок у хорошенькой цветочницы, пересёк улицу и привычно проскользнул в дверь шляпной лавки, украшенную цветными стеклами. Привязанный наверху колокольчик отозвался мелодичным звоном.

Рядом с дверью была устроена витрина, где стояли человеческие головы, то есть, конечно, манекены, демонстрирующие продукцию мадам Розы и её помощниц. Внутри же лавка представляла собой настоящее женственное гнёздышко, свитое из фетра и шёлка, муара и атласа, украшенное стеклярусным кружевом и аграмантом. Тут и там задиристо топорщился плюмаж самых модных цветов – гелиотроп и бордо, поблёскивали глазастые пуговицы, стразы и прочая мишура. Целый день здесь слышалось шуршанье лент, разговоры и смешки: ведь молоденькие девушки, когда их собира-

ется больше двух, просто не способны работать молча. Короткие, но частые визиты их весёлого соседа тоже вносили в их жизнь приятное разнообразие.

Жан Балло не стал объявлять о себе с порога. Он прокрался в комнату и вдруг выскочил перед девушками, как чёртик из табакерки. Тут же на него обрушился град шуточных упрёков.

– Ох, и шутник вы, месье Балло! Вон, Птичку напугали! – смешливо пожурила его белозубая Мари, самая бойкая из работниц.

– Виноват, исправлюсь, – и он положил перед Птичкой букетик фиалок.

Девушка, сидящая у окна с наполовину готовой голубой шляпкой и коробочкой стразов, несмело улыбнулась, протянув тонкую бледную руку к цветам. Должно быть, товарки наградили её этим прозвищем не за чириканье, а за хрупкость. Птичке было далеко до шутницы Мари, или хохотушки Жанны, или певуньи Аннет. Она работала здесь уже полгода и за всё время едва ли произнесла несколько фраз. Зато мастерица из неё была хоть куда – мадам Розе не могла нахвалиться на новенькую. Девушки её тоже полюбили.

Тем временем Гошен и Бошан два раза продефилировали по улице мимо лавки, как бы ненароком ухитрившись заглянуть в окно.

– Пари держу, с той блондиночкой, которая мастерит синюю шляпку, у Балло что-то есть, – вполголоса пробормотал

Гошен.

– Тоже мне, удивил, – хмыкнул Бошан. – Спорю, у него "что-то есть" с каждой девицей в мастерской, и их хозяйкой в придачу! Это же Балло!

– Я не про амурные дела говорю. Может, они сообщники? Как говорил один мой знакомый, умный человек прячет лист в лесу. А бриллиант – в куче стекляшек, вроде тех, с которыми так ловко управляется эта барышня у окошка.

– Да ну! – усомнился Бошан. – Не представляю, чтобы Балло вдруг родил такой заковыристый план! Для этого у него слишком узконаправленный мозг.

– Какой-никакой, а мозг у него есть. И если он окажется хитрее нашего, то наш с тобой сундукат немедля даст дуба! Подумай, чем это нам грозит! Как вспомню патрона...

Оба призадумались. Их патрон и в хорошие дни иной раз выглядел так, будто жевал на досуге битое стекло. А уж каким он бывает в гневе, не хотелось даже вспоминать. Один его взгляд сквозь монокль мог пронзить до кишок не хуже воровского ножа. Гошен покачал головой:

– Постой-ка тут, а я ещё разок взгляну.

Он снова прошёлся по улице. Но на сей раз обратил пристальный взгляд не на мастерицу, а на голубую шляпку в её проворных руках. Шляпка в ответ подмигнула ему синим бижутерным блеском.

Выйдя от приятельниц в ещё более прекрасном настроении, месье Балло прогулялся по бульвару Эдгар, сытно по-

завтракал в кафе, а затем встретил своих компаньонов в заранее условленном уголке Королевского сада. Завидев их, он даже присвистнул. У господина Бошана рука висела на перевязи. Гошен в кои-то веки сменил своё кепи на котелок и теперь нахлобучил его чуть ли не на нос, чтобы скрыть синяк и ссадину под глазом.

– Боевые раны? Я смотрю, у барона Маншота крепкие лакеи и хорошие псы, – посочувствовал Балло.

Приятели вынуждены были согласиться. Особняк барона, на первый взгляд производивший впечатление несерьёзного пряничного домика, на деле оказался крепким орешком, с тонко продуманной, безжалостной к грабителям системой охраны. Сейф в спальне казался недосыгаемым. Несмотря на все старания, друзьям не удалось продвинуться дальше заднего двора. Барон наверняка смеялся над ними до коллик.

– Ну, кое-чего мы всё-таки добились, – проворчал Бошан. – Маншот теперь постоянно таскает футлярчик с камнем при себе. И никуда не выходит без охраны.

– Ничего! – успокоил их Балло. – Надеюсь, вам послужит утешением, когда я обведу вокруг пальца этого надутого золочёного пингвина! Только чур не мешать! Теперь мой ход, – и Балло, вежливо приподняв котелок, упорхнул, оставив приятелей в состоянии смутной тревоги.

Стоило ему скрыться за поворотом аллеи, как две головы тут же склонились друг к другу, едва не столкнувшись лбами.

– Вот прохвост! Поди, соблазнит какую-нибудь служаночку, и та вынесет ему камень, как под гипнозом! – встревожился Гошен.

– В баронском доме нет девиц, только старая экономка. Если Балло сделает из неё дуру, я первый буду ему аплодировать, – ухмыльнулся Бошан.

– Да наш кошак охмурит кого угодно, хоть баронскую псину! Черт его знает, вдруг он действительно... А как же мы?!

Спасительная идея поразила обоих одновременно, как удар молнии.

– Пусть Балло ограбит барона...

– А мы ограбим его!

– Идёт! Теперь мы точно глаз с него не спустим!

(в день происшествия)

Воистину, сегодня был великий день! В этот вечер в кабаре «Рыжий кот» собралось самое блестящее общество Лютеции. Сегодня должен был состояться бенефис знаменитой мадемуазель Сириной, уже две недели манкировавшей выступлениями по причине сильной простуды. Заметки о состоянии здоровья популярной актрисы ежедневно появлялись в газетах, и жители Лютеции просматривали их с не меньшим вниманием, чем биржевые сводки и светские сплетни. Неудивительно, что душный зал был полон – просто яблоку негде упасть. Здесь коротали время поэты и художники, ищущие вдохновения, юные бездельники и светские львы.

Явились даже барон Маншот, частенько прижимающий руку к груди, и граф де Вильер, несколько свысока озирающий общество в монокль. В общем, желающих насладиться музыкой сегодня собралось чрезвычайно много. Маркиз де Пон, известный острослов, едко заметил по этому поводу, что светское общество в последнее время явно страдает от перенаселения. В задних рядах мелькал фотограф – молодой проворный парень с забавными набриолиненными усиками и чёрными, как вакса, волосами. Он суетился, стараясь поудобнее пристроить свой неуклюжий красный ящик.

Наконец, занавес распахнулся, обнажив яркие помпезные декорации, – и чарующий голос мадемуазель Сириной разлился по залу, как золотистая медовая река. Многие затаили дыхание. Свита из танцовщиц могла бы сегодня особенно не стараться, всё равно на них почти не обращали внимания. Все согласились, что Сирина в этот вечер превзошла саму себя. После очередной песни, встреченной особенно шумными аплодисментами, красавице вдруг вздумалось спуститься в зал, чего раньше она никогда не делала. Толпа горячо приветствовала это новшество. Тут же к сцене протянулись десятки крепких рук, сверкая накрахмаленными манжетами и бриллиантовыми запонками. Совершенно случайно мадемуазель Сирина оперлась на ладонь барона Маншота. Тот, слегка вспотев от такой чести, поклонился певице так почтительно, как не всегда кланялся даже в светских гостиных. Сирина польщённо улыбнулась. Стоило ей сойти со сцены, как её со

всех сторон обступили восторженные поклонники.

– Фото! Господа, господа, давайте сделаем фото!

Фотограф ужом проскользнул сквозь толпу собравшихся, поправил бутоньерку у одного, подмигнул другому. Мадмуазель Сирин он взял под ручку и, расшаркиваясь, поместил её в центр композиции, как роскошный цветок. Потом, сгорбившись, замер за аппаратом, поднял руку – и тут свет погас.

Из разных углов посыпались смешки, иронические комментарии. Внезапно атмосферу искристого хмельного веселья прорезал душераздирающий крик:

– Мой камень! Держите вора!

Служащие кабаре оказались на высоте: темнота продлилась не дольше минуты, никто не успел даже толком испугаться. Вспыхнувший мягкий свет озарил озадаченную и притихшую толпу, творожисто-бледную физиономию барона и растерянную мадемуазель Сирин, явно готовую упасть в обморок, к вящей радости окружающих её кавалеров.

– Пойдите, – сказал кто-то, – а где фотограф?

Месье Балло вышел из «Рыжего кота» и направился вниз по бульвару походкой крайне спешащего человека. Спустя несколько минут из дверей вывалился швейцар в сопровождении двух крепких мужчин, сопровождавших в тот вечер барона Маншота.

– Держите его!

«Фотограф» юркнул в переулок. Балло не боялся погони.

Он всё предусмотрел, выучил ближайшие кварталы наизусть и мог запутать следы не хуже зайца. Но трое человек всё-таки взяли его след. Одним из них был юный Фидель, баронский кучер, приглядывавший в тот вечер за экипажем. Как это свойственно многим молодым мечтателям, больше всего Фидель желал отличиться. Не просто разъезжать на козлах, а спасти Маншота от какой-нибудь опасности, например. С этой целью он в последние дни даже носил при себе пистолет. Торопыга-фотограф сразу вызвал у Фиделя подозрения, а когда вслед ему из кабаре донеслись крики, кучер, более не раздумывая, со всем энтузиазмом бросился в погоню. Двое других преследователей – наши старые знакомые Бошан и Гошен. Они слишком хорошо знали все хитрости и уловки Балло, и слишком заманчив был приз, чтобы от него отступить.

Балло заставил их порядком побегать: он петлял по окрестным районам около двух часов. В одном из тёмных глухих переулков он избавился от нелепых усиков и чёрного парика. На город уже спустились прохладные синие сумерки, когда Балло, наконец, добрался до Плюшечной улицы и распахнул заветную дверь с цветными стёклышками. Вдруг позади окликнули:

– Стой!

Балло вздрогнул, прикрыл дверь, медленно обернулся и наткнулся взглядом на дуло револьвера, дрожавшее в какой-нибудь паре метров от его носа. Он растерянно поднял

руки.

– Камень сюда, живо! – грозно сказали ему.

– Но я... но у меня... – забормотал Балло, лихорадочно прикидывая пути отступления.

– Живо, я сказал! – человек неловко дёрнул рукой, и пистолет выстрелил. Балло успел ещё подумать, что преследователь, похоже, сам не рассчитывал на такой исход. Потом сознание его покинуло, и он, закатив глаза, грохнулся на ступеньки крыльца.

По ходу погони двум приятелям Балло пришлось разделить, чтобы не упустить их шустрого товарища. Услыхав хлопок, Бошан пулей вылетел на Плюшечную улицу и увидел своего компаньона, склонившегося над телом Балло.

– Ты что натворил?!

– Это не я! – отшатнулся Гошен. – Я выбежал вон оттуда, а он тут лежит... вот...

Дверь шляпной лавки снова распахнулась, выпустив на порог тоненькую фигурку. Девушка всплеснула руками и издала визг, от которого у присутствующих заложило уши. Кто бы мог подумать, что в этом тщедушном теле таятся такие голосовые возможности!

– Тише, тише, мадемуазель! – метнулся к ней Бошан.

– Да он жив! – воскликнул Гошен. – Ну Балло, ну везунчик! На два пальца бы ниже... Мамзель, тащите тряпки! Перевязать надо! Бошан, а ты беги-ка найди фиакр, отвезём его

в госпиталь! Живо!

Бошан помчался было по улице, но тут же вернулся, увидев, как его приятель осторожно расстёгивает на раненом жилет.

– Где камень? – требовательно прошептал он, стиснув пухлое Гошенское плечо.

– Не искал я! – огрызнулся тот. – Потом, в коляске посмотрим. Или ты хочешь полиции дожждаться?

– Смотри у меня...

Возникшая на крыльце девушка с ворохом батистовых тряпок своим появлением прервала этот разговор.

Перевязанного и, казалось, бездыханного Балло со всей осторожностью погрузили в нанятый экипаж. Немногочисленные зрители, опасливо столпившиеся неподалёку, шепотом переговаривались. Булочник Жак печально качал головой. Девушка из шляпной мастерской долго смотрела вслед фиакру, увозившему её друга.

Если бы она могла проникнуть взглядом сквозь кожаный полог коляски, она бы немало удивилась, увидев, как друзья месье Балло вырывают друг у друга его сюртучок.

(на следующее утро после происшествия)

Полицейский месье Лемер тщательно записал показания мадам Розы, а также булочника и других свидетелей, после чего вернулся в участок, где его поджидал комиссар в самом скверном расположении духа:

– Где вас носит? Префект рвёт и мечет, мы все стоим на ушах! Похищен знаменитый бриллиант! Поголовный обыск в «Рыжем коте» ничего не дал, от допросов свидетелей тоже толку никакого. Да и как прикажете допрашивать такую нервную публику? Один тычет в нос титулом, другой грозитя связями, мамзель Сирин после обыска вообще закатила истерику и заперлась в гардеробной. Единственный, кому удалось ускользнуть до появления полиции – фотограф, однако десяток свидетелей утверждает, что парень к барону даже близко не подходил. Черт знает что! Может, он сбежал просто с перепугу? Всё равно его ищут. Нужно распространить его описание. И потрясти ювелиров – мало ли что. Так что не спите, подключайтесь, Лемер!

Месье Лемер с готовностью подключился. Разумеется, тайна голубой шляпки и причитания мадам Розы тут же вылетели у него из головы. А зря.

Около двенадцати часов пополудни лакей проводил в кабинет графа де Вильера чрезвычайно элегантную молодую особу, скрывавшую лицо под вуалью.

– Кто там ещё, Лейн? Я же велел никого не принимать, – «радушно» встретил их хозяин, вальяжно развалившийся в кресле.

– Не далее как неделю назад вы обещали исполнить любое моё желание, – произнёс мелодичный голос.

Волшебство этого голоса было таково, что граф вскочил

из кресла, как испугнутый фазан.

– Мадемуазель Сири́н! Вы? Здесь?! – он кивнул лакею, и тот понятливо испарился, прикрыв за собой дверь.

Девушка грациозно прошла по пышному ковру, больше похожему на лужайку.

– Вы хотели исполнить моё желание, я же пришла, чтобы исполнить ваше, – она улыбнулась такой чарующей улыбкой, от которой все ловеласы с Гантского бульвара разом вознеслись бы на седьмое небо. Вильер же просто лишился дара речи.

– Это... это... О, Сири́н! – он с готовностью распахнул объятья.

– Вы меня не так не поняли, – торопливо пояснила девушка, на всякий случай отступая за письменный стол. – Я слышала, вы очень хотели получить "Эсперу"? И даже поручили троим надёжным людям решить этот вопрос, не так ли? Одному из них, месье Балло, удалось это сделать. Камень сейчас у меня.

Граф с размаху сел обратно в кресло. Лицо его выражало крайнюю степень изумления.

– Мы с месье Балло хорошие друзья, – следующая улыбка совершенно преобразила лицо Сири́н, и теперь каждый житель Плюшечной улицы узнал бы в ней милую Птичку, пусть и разряженную в шелка. – Он очень пострадал, выполняя ваше рискованное поручение. Полагаю, будет справедливо, если вы обеспечите его защиту и... возместите расходы на

лечение.

Вильер всё никак не мог поверить:

– Но как же... вы – и какой-то месье Балло?!

– Он мой друг! – выпрямившись, заявила девушка, и граф убедился, что суровость ей к лицу не меньше, чем жизнерадостная наивность. Он вздохнул:

– Камень нужен был для... впрочем, теперь это неважно.

Невесело рассмеявшись, он подсел к столу и выписал чек. Обозначенная там сумма позволила бы не то что вылечить одного человека, а открыть целый госпиталь. Тонкая рука в шёлковой перчатке взяла листочек и взамен аккуратно поставила на стол небольшой чёрный футляр.

– Рада была повидать вас, господин граф.

В следующую минуту девушка исчезла, оставив после себя только лёгкое облачко духов. И футляр на столе.

– А уж я-то как рад, – с досадой пробурчал Вильер.

Он приказал лакею теперь уже точно никого не пускать и до самого вечера просидел в кабинете в обществе бриллианта и шкафчика с ликерами. Лейн, на цыпочках подходя к двери кабинета, иногда мог услышать ворчливое: «Чертов Балло! И что в нём такого особенного?»

Вечером лакей, немало обеспокоенный, осмелился поинтересоваться:

– Вас чем-то расстроил визит этой дамы, милорд?

– Ну почему же... – горько усмехнулся Вильер. – Я получил то, что хотел. Мне достался огранённый кусок углерода.

А этот плут Балло поймал птицу Сирина! И как ему только это удаётся!

Эпилог

Барон Маншот недолго страдал в разлуке с «Эсперой», спустя месяц он погиб от несчастного случая на охоте. Камень был передан неизвестным дарителем в Национальный музей естественной истории. Это событие вызвало сильный общественный резонанс и отвлекло светских сплетников от смакования неприятностей, постигших в последнее время графа Вильера: его особняк сильно пострадал от пожара, а любимый жеребец скончался от непонятной болезни. Про месье и мадам Балло в Лютеции больше никто никогда не слышал.

P.S. Прототипом «Эсперы» в рассказе является бриллиант «Хоуп» – один из самых знаменитых исторических бриллиантов. Все остальные персонажи вымышлены, город Лютеция вымышлен, любые совпадения случайны.